

Министерство культуры Самарской области
Фонд социального развития «Надежда»

Памятью одной связаны

*Сборник патристических
стихотворений, рассказов и эссе*

**Самара
2024**

Проект «Офицерско-кадетский бал «Вместе мы сила» реализован при поддержке Министерства культуры Самарской области

Памятью одной связаны: Сборник патриотических стихотворений, рассказов и эссе. – Самара: Фонд социального развития «Надежда», 2024 г., – 156 стр.

В сборник вошли патриотические стихотворения, рассказы и эссе лауреатов всероссийских конкурсов «Вместе мы сила» и «Дети блокадного Ленинграда и военного Куйбышева», проведенных фондом социального развития «Надежда» в 2024 году.

© Фонд социального развития «Надежда», 2024
© Коллектив авторов, 2024

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Этот сборник является итогом серии культурно-патриотических мероприятий, проведенных фондом социального развития «Надежда» в 2024 году. Он появился на свет благодаря поддержке Министерства культуры Самарской области.

29 февраля в Самарском Дворце детского и юношеского творчества состоится финал российско-иранского творческого марафона «Культурная дипломатия». В мероприятии участвовали воспитанники школ Самарской области, приславшие свои работы на конкурс изобразительного творчества «Тысяча и одна ночь» и конкурс чтецов «Наследие Омара Хайяма». К ним присоединились студенты исторических факультетов Самарского университета и Самарского государственного социально-педагогического университета, участвующие в историческом конкурсе, посвященном 80-й годовщине Тегеранской конференции.

В рамках благотворительного проекта «Благодарный Ленинград» 5-7 апреля в Санкт-Петербурге состоялся культурно-исторический форум «Дни Самарской культуры в Санкт-Петербурге», посвященный истории эвакуации детей блокадного Ленинграда в Куйбышев. Из волжской столицы на мероприятие приехали более 100 человек: представители творческих общественных организаций, школьники, учителя. 6 апреля в большом зале Центрального музея связи имени А.С. Попова состоялся исторический «Бал поколений» с элементами мастер-класса с участием кадетов и школьников двух городов, а также гостей и балльных коллективов из Москвы, Выборга, Великого Новгорода. В дни форума самарцы присоединились в работе круглого стола «Музей и проблемы культурного туризма», который ежегодно прохо-

дит в Государственном Эрмитаже, и посетили Пискаревский мемориал. Между фондами «Надежда» и «Мирные люди», который выступил принимающей стороной и организатором, было подписано соглашение о сотрудничестве.

26-27 октября культурно-исторический форум «Дни самарской культуры» прошел в Самаре при поддержке Департамента культуры и молодежной политики Администрации города. Он был посвящен 83-й годовщине наделения г. Куйбышева (Самары) статусом «Запасная столица». Одним из центральных событий форума стал финал интеллектуальной игры «Памятью одной связаны», в которой участвовали шесть школьных команд из Самары, области и Санкт-Петербурга. Он состоялся в историческом парке «Россия – моя история». Игру провел известный самарский интеллектуал, эксперт проекта «IQ Самара», многократный победитель интеллектуальных игр Владислав Лихачев. Финалу предшествовал отборочный тур, который прошел 12 октября в онлайн-формате и собрал команды из разных регионов страны.

Помимо игры, участников форума ожидала обширная культурная программа: концерт, посещение музея самарской школы №81, в здании которой в годы ВОВ размещались артисты Большого театра и композитор Дмитрий Шостакович, обзорная экскурсия с посещением Площади Славы и бункера Сталина, другие активности.

20 декабря в Доме офицеров Самарского гарнизона им. К.Е. Ворошилова, в зале торжеств прошел областной офицерско-кадетский бал «Вместе мы сила». Мероприятие собрал воспитанников кадетских учреждений, детей участников СВО, военно-патриотических клубов, «Волонтеров Победы», ветеранов Министерства обороны, представителей общественных организаций региона.

Реконструкторы из Самары, Тольятти и Ульяновска представили интерактивную выставку по истории вооруженных сил с 1930-х по 1990-е гг. 20 века с демонстрацией формы, снаряжения, уникальных фото и документов.

Фонд продолжает благородное дело, начатое его основателем, руководителем самарского Пушкинского общества, Почетным работником общего образования РФ, Почетным железнодорожником, кандидатом педагогических наук Владимиром Михайловичем Смирновым.

С 2004 года успешно реализовывался благотворительный, культурно-просветительный проект издания поэтических сборников серии «Надежда-Вера-Любовь» и их презентация в форме классического бала. Торжественные балы-презентации были даны в Екатерининском дворце Москвы, во Владимирском и Юсуповском дворцах Санкт-Петербурга, в Выборгском средневековом замке 13 века, в Казанском кремле, в Самаре (в драматическом театре им. М. Горького, областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина, академическом театре оперы и балета) и многих городах и селах.

В 2013 году Владимир Михайлович Смирнов ушел из жизни, но дело его под девизом «Культура. Просвещение. Творчество» развивается благодаря единомышленникам.

В организации мероприятий большую помощь и поддержку фонду «Надежда» оказывают региональное отделение «Российского военно-исторического общества», Министерство культуры Самарской области, Министерство образования и науки Самарской области, Департамент культуры и молодежной политики Администрации г.о. Самара, Межрегиональная полицейская ассоциация, Совет Ветеранов МВД и ВВ Самарской области, фонд «Мирные люди» (г. Санкт-Петербург).

В этот сборник вошли стихотворения и рассказы лауреатов всероссийского литературного конкурса «Памятью одной связаны», а также всероссийского конкурса эссе «Дети блокадного Ленинграда и военного Куйбышева». Оба проекта были реализованы в 2024 году по инициативе фонда «Надежда».

С уважением,
Фонд «Надежда»
Президент Денис Домарев,
вице-президент Иван Рожнов,
руководитель самарского
представительства
Наталья Дилигенская

ПОБЕДА С НАДЕЖДОЙ¹

*Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума.
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.*

А.С. Пушкин «Евгений Онегин»

Эпиграф к статье в нашем журнале — редкое дело. Но в данном случае он оправдан. Речь пойдет о давно забытой чарующей атмосфере пушкинского времени. Если вы думали, что в XXI веке принять участие в настоящем бале невозможно, то это не так. Владимир Михайлович Смирнов, президент Фонда социального развития «Надежда», предоставляет всем желающим возможность поучаствовать в современном бале-презентации, окунуться в это волшебное действо, на миг почувствовав себя Наташей Ростовою.

Фонд социального развития «Надежда» учреждён в 2004 году в память о супруге Владимира

¹ Статья опубликована в журнале «Самарские судьбы», № 8, 2020 г., стр. 76-87. Главный редактор В.А. Добрусин. В сборнике печатается в сокращении.

Михайловича Смирнова Надежде Ивановне, которая ушла из жизни в 2003 году. Почётный работник общего образования, талантливый представитель педагогической династии (более 600 лет семейного педагогического стажа), Надежда Ивановна сочетала в себе способности физика и талант лирика.

— Владимир Михайлович, расскажите Вашу историю любви.

— Мы учились с Надеждой Ивановной вместе с первого класса. Она всегда была в центре внимания, как правило, сидела за первой партой, а я сидел в этот же ряд, за ней. Мне кажется, что уже в начальной школе у меня появилась к ней какая-то симпатия, мне хотелось сделать ей приятное. В то время не было пышных цветочных магазинов, поэтому осенью я съездил в лес, накопил целый ящик ландышей, вырастил их дома на подоконнике к 8 марта и преподнес ей. Все годы учебы мы дружили, и, видимо, тогда я уже все определил...

— А впоследствии вуз Вы тоже выбрали один?

— Я сначала планировал пойти учиться в медицинский институт, но потом узнал, что Надежда поступает в педагогический. А учитывая, что два маминых брата были директорами школ, я тоже решил вслед за Надеждой продолжить традицию своей семьи. Пять лет учебы пролетели незаметно.

В 1972 году мы сыграли свадьбу, и началась наша счастливая жизнь. Надежда была роскошной, замечательной женщиной, у нее всегда была точеная фигура, и, представляете, на нашу серебряную годовщину она надела свое свадебное платье. Она была и остаётся ангелом-хранителем

для меня, для всех родных и близких, для многочисленных учеников и друзей.

А в 2003-м мы отпраздновали нашу последнюю годовщину свадьбы... И с этим событием у меня связана одна история. Сестра жены Лидия Ивановна, учитель английского языка, часто ездила с группами по всему миру, и в очередной поездке на приеме в Индии у миллионера им подали торт из мороженого (в России тогда о таком даже не слышали) и красные бананы! Супруга давно забыла об этой истории, а я помнил долгие 15 лет и нигде не мог их найти... Именно в 2003 году, как потом оказалось, к нашей последней годовщине свадьбы, я нашел эти красные бананы. Мы собрали друзей в городе Кинель, во Дворце культуры, где регистрировали наш брак. Мы прожили 31 счастливый год! Это сказка, о которой все мы в жизни мечтаем. У нас двое прекрасных детей: дочь Наташа и сын Андрей, а теперь уже четверо внуков и один правнук.

— Когда Надежды Ивановны не стало, Вы основали Фонд ее имени?

— Да, и вот уже 16 лет мы ежегодно проводим балы «Надежда–Вера–Любовь», которые одновременно являются презентациями наших поэтических сборников.

В свое время я даже не ожидал, что этот проект будет настолько востребован. Помню, как я пришел к Наталье Алексеевне Бобровой (она тогда еще была депутатом Губернской Думы) рассказать о нашем желании издавать книгу молодых самарских поэтов. Она, оказывается, сама пишет стихи и на этой же встрече подарила нам свое творение. Прошли годы, и в 2010 году Наталья Алексеевна

прилетела в один из редких дворянских особняков Петербурга — Юсуповский дворец. Мы сделали там сказочно красивый праздник, объединившись с поэтами со всей России. В этом дворце сохранилось много музыкальных инструментов от князей Юсуповых, к примеру, на знаменитой юсуповской лестнице с хрустальной люстрой в 400 кг нас встречала арфа! У нас была экскурсия по дворцу, вплоть до Белоколонного зала, куда мы вошли парами, полонезом. Незабываемые эмоции подарил нам всем этот вечер.

— *Ваш проект преимущественно был рассчитан на молодых ребят?*

— Я как человек образования, конечно, стараюсь максимально привлекать в наш проект молодежь. И в этом мне очень помогает Самарская областная организация молодых литераторов под председательством Дениса Домарёва.

— *Санкт-Петербург для Вас, пожалуй, стал любимым местом проведения балов? Он изобилует роскошными царскими дворцами и изящными особняками аристократов.*

— Мы посетили Дворец сенатора Александра Половцова, Владимирский и Юсуповский дворцы. Как правило, на нашем красивом светском торжестве присутствует порядка 100-150 человек. Если говорить о возрасте наших участников, то он колеблется от школьников до... У нас есть кавалеры, которым уже за 80! Что дают ребятам эти встречи? Приведу лишь один пример. Однажды с нами поехали ученики шестнадцатой школы, директор которой сама пишет стихи, и благодаря нашему проекту они уже опубликовали несколько своих книг. После бала мы все вместе доехали до Выбор-

га, и там, в школе искусств, ребятам устроили выступление с местными поэтами. Директор школы позже поделилась со мной: в поездку они взяли с собой ученика, который мог создавать проблемы. А ночью на обратном пути в вагоне именно этот парень принес ей свои первые стихи...

Там же, во Владимирском дворце, участвовал незрячий поэт из Казани. В этот день он показал молодежи на своем собственном примере, какую надо иметь силу духа, ведь он не только пишет стихи, но и танцует. Это удивительно!

А еще в эту поездку мы собирали всех поэтов во Всероссийском музее А.С. Пушкина. Начинающие поэты читали свои стихи, а те, у которых к тому времени уже были изданы свои сборники, подарили их Дому Пушкина. Наш проект задуман как социальная лестница для молодежи! Я стараюсь показать им путь, научить их фантазировать, даже если над ними иронизируют. Хочу, чтоб их мечты были масштабны и не знали границ.

— *Вы часто выбираете Выборг для проведения балов. Почему именно этот город?*

— Да, по возможности всех вожу в Выборг: детей, внуков, друзей и наших поэтов. Большая делегация знакомых нам поэтов встречает нас в этом городе, как родных, мы часто проводим там литературные встречи. А вообще, это моя Родина. Расскажу историю моей семьи, она очень интересная. Мой отец прошел всю войну, он награжден тремя Орденами Красной Звезды, Орденом Александра Невского, Красного Знамени и многими медалями. А мама, будучи медсестрой, дошла до Рейхстага. После войны родители служили в Германии, моя старшая сестра Нина родилась именно там. А ког-

да мама была беременна мной, папу перевели в Финляндию. Они поехали туда, и по дороге родился я в городе Выборге, в роддоме напротив замка XIII века.

— *Не зря говорят: случайности не случайны. Любовь к замкам, древней архитектуре, дворцам у вас, оказывается, в крови! А когда семья переехала в Куйбышев?*

— Папа дослужился до майора и попал под сокращение (действие хрущёвской военной реформы). И мы уехали в Куйбышев, потому что здесь жили мамыны родители. Кстати, Куйбышев-Самара появился в папиной судьбе гораздо раньше этого переезда. Его призвали в армию в 1939 году, он отслужил три года, уже собрал свой дембельский чемодан, отвез его в город, и вдруг объявили начало войны... Он прошел и Курскую битву, и оборону Сталинграда. Кстати, в Сталинграде отец получил приглашение от маршала Рокоссовского для вручения Ордена Красного Знамени СССР, но начался обстрел, папу ранили, и этот орден он так и не получил. Несколько раз отец чудом оставался жив, наверное, у него были очень сильные ангелы-хранители. Получив очередное ранение, он лечился в госпитале именно на территории города Самары. Так что этот город в его жизни появился еще до мобилизации.

— *А как складывалась Ваша профессиональная судьба после окончания вуза?*

— Я всю жизнь проработал в системе образования. Был учителем, завучем, директором школы. А мое последнее место работы — Управление Куйбышевской железной дороги, где я возглавлял корпоративное образование в девяти субъектах Российской Федерации.

— *Вернемся к Вашему детищу — Фонду. Какие результаты придают Вам силы? Когда Вы понимаете, что всё делается не зря?*

— Недавно меня приглашали в Университет телекоммуникаций и информатики на студенческий праздник. И там ко мне подошел студент и поблагодарил: «Владимир Михайлович, а я в Выборге читал стихи!» Понимаете? Это стало для него событием, которое он запомнил на всю жизнь. Вот что ценно!

А я, будучи учителем литературы по образованию, стараюсь, чтобы итогом наших больших мероприятий стала книга. В этом году мы готовим уже пятнадцатую книгу под единой серией «Надежда-Вера-Любовь». Ежегодно там публикуются произведения 150-170 авторов. Я рад, что мы можем наблюдать, как поэты, школы, лицеи города вслед за нами выпускают свои книги. В этом и заключены главные результаты нашей большой работы.

— *Меняется ли работа Фонда со временем? Появляются ли новые проекты, которые Вы воплощаете в жизнь?*

— После того, как нам удалось провести бал в Казанском кремле, у нас появился проект «Кремлевские города России». Казань стал первым городом, который нас пригласил, и уже трижды нам предоставляли самые лучшие помещения национальной художественной галереи «Хазинэ». Мы планируем быть в Нижнем Новгороде, Астрахани, сейчас ведем переговоры с Псковом. Принять участие в этих поездках хотят очень многие. Когда мы объявили, что едем в Казань, предполагали взять небольшую команду поэтов и танцоров, а в итоге собралось три автобуса по 50 человек!

— *Большой торжественный бал Вы стараетесь проводить ежегодно, правильно?*

— Да, обязательно! Однажды мы даже провели бал в Москве в Центральном Доме Российской Армии имени Фрунзе Министерства обороны РФ. Нам предоставили Колонный зал, после всех реставраций мы оказались первыми, кому разрешили там большое, публичное мероприятие. Еще там есть комната маршалов, в которой мы встречались с почетными гостями. Приезжали Баратынские, гости из Франции, потомки Пушкина.

— *Не так давно Вы стали председателем самарского Пушкинского общества, поэтому тема Пушкина Вам особенно близка?*

— Имя Александра Сергеевича объединяет всех носителей языка, чарующе действует на всех творческих людей. Всем известно, что Александр Сергеевич всегда задавал тон на балах. Наш сборник этого года будет называться «Ода Пушкину», а к нашей поездке в Санкт-Петербург мы готовим книгу, обложкой которой станет картина живописца Александра Баканова, который написал целую серию картин к 150-летию пребывания Ильи Ефимовича Репина в Самаре. Когда я ездил в Ширяево, мы встретились с ним, и он нам дал согласие на использование своей картины «Далекое. Близкое... Вечное». В этой книге будут размещены произведения авторов нескольких стран мира. Пушкин объединяет всех!

— *Владимир Михайлович, Вы сотрудничаете с разными организациями нашего города и России в целом, правильно? Тем самым охватывая всё большую аудиторию разных возрастов и интересов?*

— Да! Вот один пример. Когда-то в Техническом лицее, проводящем Пушкинский конкурс «Друзья по вдохновению», я спросил, нет ли среди их сотрудников тех, кто пишет стихи. Так я познакомился с бывшим сотрудником нашей полиции, подполковником Борисом Сердюком. Теперь он возглавляет Самарское отделение Международной Полицейской ассоциации, которое объединяет около 70 стран. В мае 2019 года в Санкт-Петербурге по нашей инициативе прошёл первый международный полицейский бал, куда приехали представители полиции из 12 государств. Так мы готовились к серии балов в европейских замках, которые, надеюсь, у нас впереди!

— *В любимой Самаре, где Вы прожили всю свою жизнь, Вы тоже проводили балы?*

— Конечно! Мы благодарны Самарскому областному художественному музею, Алла Леонидовна Шахматова разрешила там провести нам бал. Участники полонезом прошли по всем залам, которые соединяются в музей, а в мраморном зале мы провели «литературную гостиную». До сих пор я получаю восхищенные отзывы с этого мероприятия.

— *Поделитесь Вашими планами и задачами на ближайшее будущее.*

— Мы хотели в этом году в Эрмитаже встретиться с поэтами со всего мира — участниками Международного творческого конкурса «Мой Пушкин», организаторами которого стали медиа-холдинг «Самарские судьбы» и «Пушкинское общество г. Самары». Я уже говорил, что Пушкин объединяет всех, конкурс — хорошее этому подтверждение! В нем принимали участие жители со всего мира: от

Австралии до Копенгагена, от Хабаровска до Москвы. В день, когда в 1941 году Куйбышев стал запасной столицей, мы хотели сделать презентацию книги Виталия Аркадьевича Добрусина «Культурная элита запасной столицы», он нам предоставил возможность переиздать ее. После теплого знакомства и чтения стихов мы планировали перейти во Владимирский дворец, где висела картина Ильи Репина, но, увы, условия пандемии не дали нам осуществить эти планы. Поэтому все наши задачи мы переносим на следующий год!

— В октябре Вы отметите свой юбилей. С какими мыслями подходите к этой дате?

— С чувством благодарности за встречу с прекрасными людьми, их помощь и совместное созидание. Помню, как мне, совсем еще юному молодому человеку, в свое время предлагали идти работать на завод, но я выбрал другой путь. У меня всегда свой, особый взгляд на любую ситуацию. Даже школы в Бобровке и в Кинеле, где я был директором, сильно отличались от других. В девяностые годы, когда в стране была разруха, не было определенности и стабильности, в нашу школу из нескольких самарских вузов ездили преподаватели читать спецкурсы, кроме того, мы были первой школой, которая начала издавать свою газету, и у нас был свой театр моды... Поэтому всем молодым ребятам со страниц журнала я хотел бы пожелать: жить так, как велит вам сердце, мечтать и никогда не плыть по течению...

Беседовала Наталья СИДОРОВА

НАТАЛЬЯ КОЛМОГорова

Мамушка

Лето в разгаре –
Слаще медовой патоки!
Солнце на скатерти неба
блестит золотой сковородиной...
Там, где речка,
струится Смородина,
и пахнут ветра
вызревающим хлебом –
там моя ненаглядная Родина!
Предков моих дорогая земля –
это их иногда голосами
травы, цветы, и ручьи, и дубравы
о чём-то со мной говорят...
А зори здесь тихи,
и маки от крови красны,
и каждую осень на юг журавли,
курлыча, над нами летят -
это, отчизна, твои боевые сыны
о новой эпохе трубят!
Ширь ты моя неоглядная –
реки, леса и покосы,
пашни межей васильковой прострочены,
месяц над крышей –
серебряный гусь,
я родилась и умру твоей дочерью,
добрая матушка Русь!
Край-каравай,
земляничное полюшко,

рыжее солнце – как в поле бурёнушка,
ямы-ухабы, да храм у реки,
каша с похлёбкой из русской печи...
Братья славяне, добрыни да русичи,
гении, светочи – не дураки!
Михай Ломоносов и Юрий Гагарин,
Пушкин, Прокофьев, Бажов и Левша –
все земляки мне и все мне родня!
Родная сторонка, родная душа -
деревня, овин, палисад, огородинка,
бурьян да полынь,
лебеда да смородина,
репа, черешня, ирга и морковь...
Ты – моя Родина,
мамушка Родина,
вера, надежда, любовь!

Мужество

*Лашкову Владиславу, г. Бугульма,
и всем бойцам, погибшим на СВО,
посвящается*

Я, мама, не родился храбрым,
Про смелость в книгах лишь читал,
И под высоким сводом храма
Не так уж часто и бывал.

Но для меня всегда примером
Был подвиг деда на войне...
На СВО, одним из первых,
Ушёл по огненной стерне.

Здесь, что Андрей – то Первозванный,
Здесь каждый знает, смерти – нет!
И крест нательный православный
Не раз спасал меня от бед...

Да, мы держали оборону
Сегодня утром, за грядой,
Я обнаружил в небе дроны,
И с командиром принял бой...

Семья, работа, дом, рутина –
Я не был в жизни храбрецом,
Но жизнь спасал я командиру,
Когда ударил дрон свинцом.

А жизнь, она бесценна – точно!
Вдруг слышу, рядом – шорох крыл...
Уйду за радугу досрочно –
Как жаль, жену не долюбил!

Мы с младшим сыном так похожи,
Со старшим тоже сходство есть.
Мальчишки! Знайте, что дороже
Всех благ – достоинство и честь!

А у жены, как небо, сини
Глаза, и очень добрый взгляд...
По всем, погибшим за Россию,
Пусть литургию отзвонят.

И вы две жизни проживите,
Товарищ старший командир,
А я теперь небесный житель,
Прощай, огромный бренный мир!

В садах здесь утопают храмы,
И небо – цвета «фиолет»...
Твой сын всегда был храбрым, мама,
Как не пришедший с фронта дед.

Втроём на облаке

Последнее, что я запомнил – ветер,
Горячий ветер взрывной волны,
Вижу: на облаке,
Обгоняя друг друга – дети,
Невинные души грязной войны.
И я за ними ввысь поспешил,
Крикнул: – Эй, сорванцы!
Где ваши матери, где отцы,
И кто вас одних отпустил?

Тот, который постарше,
Полоснул меня взглядом, как бритвой,
На щеках – застывшие кровь и копоть:
– Батька мой – гарный хлопец!
Погиб смертью храбрых в жестокой битве,
А мати сгнула под завалом,
Костей – не собрать! –
А мы с новым другом Ванькой
(Он погиб вчора под Донецком,
Где-то в районе Советском)
Потому что не смог убежать

От пули, попавшей в висок...
Скажи, было так, Ванёк?

Ванька сидит на облаке,
И смешно болтает ногами...
Над нами – небесный колокол,
И ад крошечный – под нами...
Я старшего тихо спросил:
– Тебя-то как звать? – Василь.
А младший спросил не глядя:
– А ты кто такой будешь, дядя?
Я махнул культий окровавленной:
– Я-то?... Новопреставленный.
Я тут оказался случайно совсем,
Вышел из дома примерно в семь,
Пошёл в магазин за хлебом,
А тут – бац! – прилетело,
И вот, здравствуй, Господь,
Здравствуй, небо!

Вы шибко-то тут не шалите,
Негоже на небе шалить,
С Землёй попрощались?... Летите!
Уж коль не случилось пожить...
Что-то Ангелов ваших не зрю,
Доколе вам быть в разлуке? -
Истинно вам, пацаны, говорю –
Сдал бы Ангелам вас на поруки...

Только промолвил, как ангельский свет
Весь небосвод озарил,
Две детских души – золотой первоцвет -
Улетели под шелест крыл...

По небу разлилась весенняя синь,
И было до слёз мне жаль:
Как мало пожил украинский Василь,
И Ванька, который – «москаль».
А ветер Земли и суров, и горяч,
И снова разносит беду,
По небосклону, от горя – незряч,
Я снова за хлебом иду...

Акафист миру

Замесить бы хлебушек на квасе,
Закатить бы для соседей пир...
Ничего нет слаще на Донбассе,
Чем надёжный, долгожданный мир!

Тишины, настоящей на травах –
Мяте, зверобое, чабреце,
А не той, что прячется в оврагах
И глядит зловеще сквозь прицел.

Слышу, как в саду твоём под вечер,
Горлицей вопит, кричит беда,
И горчит знакомый южный ветер,
И гудят натужно провода.

Крутит солнце золотую пряжу,
Вновь набат, и гул из-за реки,
Вновь в подвалы прячутся от страха
Женщины, детишки, старики.

Вновь гроза и всполохи фугаса,
Тучи встали, как одна, в ранжир...
Ничего нет слаще для Донбасса,
Чем надёжный, долгожданный мир!

Вновь рябит вода в святой купели,
И с мольбой глядит иконостас,
Никогда не встанет на колени
И не сдастся нечисти Донбасс!..

Пусть над крышей голубеет небо,
Пусть воронки зарастут травой,
И домашним пахнет воздух хлебом,
А не кровью, горем и войной.

Пусть твои бедовые мальчишки,
Повзрослев как будто сгоряча,
Про войну читают только в книжках,
От реальной боли не крича!

Пусть гнездо совьёт на крыше аист,
Облака бегут по синеве,
И читает небесам акафист
Самый мирный ветер на земле.

Живая водица

В деревне утро... Благодатный миг!
А я – природы малая частица...
Под горкой, у ракиты, бьёт родник,
Иду туда – к блаженству причаститься.

Вдруг вёдер скрип в звенящей тишине
Затеял с петухами переключку!
Пищит комар, и вьётся в вышине
Пичуга – желтогрудая синичка.

Застыли в дрёме чуткие дома,
Ещё не слышно сонных криков стада,
В молочной дымке тонет урема,
И вьётся повилика по оградам.

Сплетают травы радужную скань,
Босые ступни увлажнив росой...
Я ощущаю, как условна грань
Меж человеком, небом и землёю!

Черпну в пригоршню ледяной воды,
Всплутну невольно в речке отраженье...
В краю отцов оставляю я следы,
Я этих мест заветных продолженье:

Полей, лугов, где белый, словно лунь
Растёт ковыль, и скачут кобылицы...
А мне навстречу шлёпает июль,
Чтоб из ведра отпить живой водицы.

Спросите у Гали

Как мы жили? Спокойно, не воевали,
Ходили друг к другу в гости на ужин, в семь,
Как мы живём теперь? Спросите у Гали!
Галя лишилась дома. Недавно и насовсем.

Там, где она жила, каждый день свистопляски,
Смерть выбивает чечётку под залпы огня,
Живые завидуют мёртвым не только в Купянске,
Поэтому Галя сбежала в чужие края.

Думаешь, ей приготовили терем? Едва ли!
На всех обездоленных не напасть теремов,
Кому на чужбине нужны незнакомые Гали?
Сытый голодного вряд ли услышать готов!

Узел судьбы затянулся внезапно и туго,
Сколько невинных людей оказалось на дне...
Много ли надо для Гали? Свой собственный угол,
Мирное небо, уверенность в завтрашнем дне.

Нет от душевной болезни такого лекарства,
Чтобы утешиться каждый отчаянный смог,
Хватит ли сил – пройти испытанье мьгарством?
Духом отважных ведёт через тернии Бог!

Жернов истории всё перемелет, я знаю,
Что для него есть судьба одного человечка?
Может, вы слышали что-то когда-то про Галю?
Ей снится Купянск и из радуги мост через речку...

Что со мной не так?

Что со мной не так? Где найти ответ?
Вроде, есть война, но как будто – нет!
Что со мной – не так? Лик луны в окне,
Ночь чеканит шаг в мёртвой тишине,
И уютный быт у меня вполне,
Будто нет войны... Но она – во мне!

Выжжен каждый нерв, до золы, дотла,
Точит, будто червь, изнутри она,
Больно бьют по дых – сводки, как картечь,
Кровью молодых поливая твердь...
С нами что – не так? Стали мы зверьми?
Мир, сквозь боль и страх, строим на крови?
И в висках – набат, и в душе – сквозняк...
Это наш солдат брал вчера Рейхстаг!
Он прошёл Берлин, Курск и Сталинград...
Так за чей же мир бился наш солдат?
Вспомните Хатынь, в Бабьем Яре – стон,
Слёзы да полынь, Бухенвальда звон!
Деды и отцы проливали кровь,
А теперь юнцы «Хайль!» лепечут вновь.
Шоу на ТэВэ, развесёлый пляс...
Но Луганск – в огне, и бомбят Донбасс!
Шоу-маскарад, зрелищный размах,
Но везут ребят в цинковых гробах.
Что со мной не так? – Солнышко в окне...
Вроде, нет войны. Но война – во мне!

НАТАЛЬЯ ПАШКОВА

Позабуду ль твои речи –
Певчего соловушки?..
А трава на поле сечи
Красная от кровушки...
Не найти твоей могилки –
Всё быльем завяжется.
Только глядь, у той тропинки
Что-то мне покажется.
Словно поманит лукаво
Одуванчик махонький...
Может то твоя рубаха,
Мой родной, мой сладенький?!
Иль пшеница золотая
Наклонится колосом,
Мне послышится: «Родная!
Здесь я!» – твоим голосом.
Разбредись пути-дорожки
На четыре стороны...
Расклевали на кусочки
Душу мои вороны.

Родина

Есть на земле забытый уголок,
Где наполняюсь я живою силой;
Где осень листья стелит на порог,
И на скамейке дремлет первый иней;

Где завивают резвые ветра
Позёмку снежную живой спиралью;
Где отступают беды и дела,
А сердце дружит с светлою печалью.

Есть на земле забытый уголок,
Который сердце позабыть не в силах,
Где я впервые в жизни видеть мог,
Как снегири пируют на рябинах;

Где даль ясна в погожий майский день,
А в октябре задернута туманом;
Где клюкве спелой радуется пень
И волки ночью воют за курганом.

Я ширь люблю и радуюсь судьбе,
Что родила меня моя Россия;
Что в скорби час и в радостной гульбе
Одно твоё я восхваляю имя.

Я обожаю плеск могучих рек,
Твоих лесов веселое стозвонье,
Твою весну и первый легкий снег,
И скрежет льдин в лихое половодье.

А синь небес, размах твоих степей
Пьянит мою и возвышает душу.
О подвигах твоих богатырей
Я с детства с замираньем сердца слушал.

Есть на земле забытый уголок.
Травой высокой заросли куртины.
Я на другой земле родится мог –
Не грели б имена Пожарский, Минин...

Но я родился здесь, земля моя!
Спасибо моей матери за это!
Россия! Русь! Священная земля!
Источник Богодарственного Света!

ЛЮБОВЬ БЛОХОВЦЕВА

Жизнь, как сон

Я живу, будто в страшном сне...
Как же это случилось так,
Что для тех, кто был дорог мне,
Я теперь – оккупант и враг?
И не смея поднять глаза,
Бывший друг мне хрипло велел:
«Ты в Россию вали назад!
Убирайся, покуда цел!»
Я родился в чеченской земле,
И свой город любить привык,
Для меня с младенческих лет
Был родным чеченский язык.
В вихре яростных перемен
Нас в России никто не ждал...
Я к зиме с трудом привыкал,
И меня выдавал акцент.

Жизнь устроилась. Чередой
Годы мчатся, свершая круг.
И уже возвратиться домой
Убеждает меня старый друг,
Говорит, как прекрасен Аргун,
Как чудесно весной в горах.
Но душой я уже не юн –
Неуверенность там и страх.
Я обиду давно простил.
Время лечит – так говорят.
Но до слёз меня поразил
С Украины мой младший брат.
Он кричит: «Вы мешаете жить,

Да от русских грабеж и разбой!
Москалей, пора на ножи,
Оккупантов из Крыма долой!
Я живу, как в кошмарном сне –
и, возможно, был Гитлер прав!» –
Он готов оправдать фашизм...
Он забыл, как дед умирал,
Защищая Новороссийск,
Он забыл, как в слезах читал
Строчки писем его фронтовых.
Я друзей в этой жизни терял!
Я терять не хочу родных,
И живу, как в кошмарном сне!
Почему же случилось так,
Что для тех, кто так дорог мне,
Стал я вдруг оккупант и враг?

Граница

Не принимать, закрыть глаза,
Не знать, не слушать...
Вот так внезапная гроза
Покой порушит.

Нам обещали: этот ад
Не повторится.
Но залетел во двор снаряд
Из-за границы.

От нас она недалеко,
Граница эта:
Кусты малины да река
Прозрачной лентой.

А за рекой – тенистый сад.
Средь старых вишен
Такие же дома стоят –
Чужие крыши.

Орудий грохот по ночам
Свиреп и страшен!
Всё кажется, что бьют по нам,
По жизням нашим...

Ведь то же солнце светит им
И те же звезды.
Кричит во сне седой старик:
«Спасайся»!.. «Воздух»!..

Он был ребенком в ту войну,
Он помнит фрицев...
Мы верили, что этот ад
Не повторится!

И ужас едкою волной,
И гнев бессильный.
Зачем тебе такая боль?
За что, Россия?..

ОЛЬГА БОРИСОВА

Сила

А завтра уже наступило...
Тревожное нынче оно.
Какая зловещая сила
Со смертью стоит заодно?!
Решившая стать властелином
И судьбы народов вершить,
Чтоб гнули на них свои спины,
Не помня о свойствах души.
Чтоб предков забыли, и волю,
Не знали про доблесть и честь,
Смирненно несли свою долю
И книг не могли, чтоб прочесть.
Но вздыбилась русская сила,
Проснулся «в берлоге медведь»,
И с вОрогом меч свой скрестила,
И шла за Отчизну на смерть.

Два цвета

Пострадавшим от рук террористов посвящаю

Два цвета есть на мартовском холсте.
Малюю я сугробы белой краской.
Они ещё сияют в чистоте,
А чёрный цвет... Его кладу с опаской.
Чернеет грязь на росчерке дорог,
А на асфальте среди белой каши
Мазок хвостов и лап ручных сорок,
Хвостатые хозяйки в парке нашем.

Добавлю белизны я облакам,
Летящим по округлости планеты
К иным и лучезарным берегам,
Где разлетаясь, светятся кометы.
Пусть холст украсит серебристый цвет
Снегов, ещё лежащих на аллее.
Под ними спрячу маленький секрет –
Цветок весны, который так лелею.
Нет чёрному на мартовском холсте,
Пусть будет свет и будет много жизни!
Я отдаю творенье красоте,
А чёрный – не к лицу моей Отчизне.

Кладинец

Что-то случилось с людьми и мирами,
Прошное выдули злые ветра.
Грозные тучи клубятся над нами,
В небо вздымается пламя костра.

Кто-то желает погибель планете,
Чтобы пылал смертоносный огонь.
Ложь заплела хитроумные сети,
Скачет просторами огненный конь.

Гулко звенят золотые монеты,
Сыплются в брюхо злосчастной войны.
В небе крылатые свищут ракеты,
В рост поднимаются наши сыны.
Знаешь, братишка, знать, доля такая,
Снова вступаем в решительный бой.
Меч-кладенец над простором сверкая,
Войско святое ведёт за собой.

Мальчишки

Мальчишки играли в войнушку.
Война охватила Донбасс.
Гремели неистово пушки,
Ракеты летели на нас.
Мальчишки надели пилотки,
Бойцов провожая на фронт,
А вечером слушали сводки,
В туманный глядя горизонт.
Бойцы уходили в атаку,
Гремело стозвоном: «Ура!»
Мальчишки затеяли драку
В периметре дня и двора.
И каждый был в истине – святой,
Сражался за Русь и народ.
И шли в грозовую солдаты,
Великий затеяв поход.
Мальчишки рисуют войнушку,
(Бойцы защищают страну),
Рисуют крылатую «Сушку»¹,
Победу, тюльпаны, весну!

¹ Народное название «Сушка», Сухарь – советский/рос-
сийский многоцелевой всепогодный истребитель четвёр-
того поколения.

ЛЮДМИЛА ХАУСТОВА

Жизнь прожить – не поле перейти

– Жизнь прожить!
Слышишь, целую жизнь!
Да с женой, да с детьми сероглазыми!
А за это – пустяк: Откажись!
Никого же не гонят приказами.
Пусть поищут сапёров других!
Заболею, выпей водки, чтоб допьяна.
Что – друзья? Да плевать нам на них!
Легче жить, когда совесть утоплена.

А сапёр – ни смешка, ни кивка.
Жёсткий взгляд прямо в тьму законную,
Удержавшись от злого рывка,
Моет руки водою студёною:
– Что ты каркаешь, гад? Отвяжись!
Что за участь мне прочишь полынную?
Проживу без тебя свою жизнь...
Только б поле пройти

это

минное.

О самом родном

«Доброе утро, родной мой!»
Но вместо ответа
Осень взметнулась клочками тумана в окно.
Всполохи взрывов и дальних пожаров отсветы
Сердце тревожат. Уж лучше бы стало темно.

Лучше бы звёздное небо и зори, как прежде,
И безмятежность спокойного мирного дня...
Где ты сейчас, мой защитник, опора, надежда?
Где-то на линии боя, беды и огня...

Так уже было: врагов ненасытная свора
Русскую землю терзала, губила и жгла,
Но уползла в свои норы, разбита с позором,
Злобно шипела, терпела и часа ждала.

И дождалась, оцетинилась, хвост свой кусая,
Ядом насытила новую черную рать.
А у России судьба в нашем мире другая –
Силой Добра многоликое зло побеждать.

Будет ещё наше утро и светлым, и звонким.
Здравствуй, родной мой!
Скорей возвращайся домой!
Прямо сейчас я лечу к тебе лучиком тонким,
Ты перед боем коснись меня сильной рукой.

Осколки

Отшумели тосты, смолкли звуки песен.
Туфли, наконец-то, сброшены в углу.
И свернулся в комнате мир мой, тих и тесен,
Приоткрыта форточка прямо в полумглу.

Что там за туманом? Смутны очертанья,
Чудится мне скрежет, гул со всех сторон –
Это разбивается наше мирозданье
На куски отдельные под стеклянный звон.

Вот осколок с речкой: брызги на ресницах,
Дети шумно строят замки у воды;
А в другом – под взрывами всё горит, дымится,
И не предусмотрен там выход из беды.

Взвизгнет тормозами странный перекрёсток:
Бродит среди джипов парень-инвалид.
А в Аллее ангелов худенький подросток
Смотрит на живущих нас. Смотрит и молчит.

И под этим взглядом раной огнестрельной
Обожгут и вырвутся страх, и боль, и крик,
Разобьётся вдребезги всё, что параллельно.
А портрет останется, там дед мой фронтовик.

ЕЛЕНА ЗОЛЬНИКОВА

Помолись за меня

Помолись за меня, и продлится мой путь.
В предрассветной поре что-то сдавит мне грудь.
Я до этого жил и не верил в слова,
Лишь теперь осознал, как была ты права.

С высоты твоих лет, седины и морщин
К ним отчасти я сам много сил приложил.
Всё ребячеством было вплоть до самого дня,
Что войною накрыл и тебя, и меня.

Я вдали снова, мам, но я ближе душой.
И ночами всё чаще говорю я с тобой.
Не скажу напрямую, так как я не привык.
Я ведь всё же мужчина – зачерствевший мужик.

Сколько рос на глазах и бессонных ночей,
Сколько спавила ты пред иконой свечей,
Сколько боли внутри, а вокруг пелена.
У тебя есть твой сын, что в душе навсегда!

Потому не прошу ни жену, ни детей,
Нет мощней и правдивей молитвы твоей!
Где бы ни был я, мам, ты укроешь крылом.
Вера мамы всегда отдаётся теплом.

Через множество троп, сквозь туман и огонь
Летит вера твоя, становясь мне как броня.
Я пройду все пути, только ты, мам, держись!
Я прошу об одном: за меня помолись!

Тем, кто с совестью повенчан,
Эти строки посвящаю,
Тем, кто врос в окоп по плечи,
Наши земли защищая!

Вы не спрятались за спины,
За границу не удрали!
Вы сегодня в самом пекле
Всем опорой крепкой стали!

Вы Отечество родное
На медяк не променяли!
Закалённые войною,
Нервы ваши крепче стали!

За единство всех народов,
Что в России проживают,
Те, кто силой духа полны,
Кровь сегодня проливают!

Было так и будет вечно:
Мир Руси, нам Богом данный,
Враг сломить не сможет силой,
И падёт он, окаянный.

Так воспряньте ж с верой в сердце
За сегодняшних героев,
Кто избрал судьбу Отчизны,
Не пятная честь и совесть.

Вечной памяти достойны,
Кто в сраженьях строй покинул
И на небе в полк Бессмертный
Заступил и вахту принял.

Мир сегодня очень шаток,
Полон фальши и обмана!
Только праведность молитвы
Нам прольет бальзам на раны.

Только слово перед Богом
Душу чѣрствую излечит,
А немое равнодушьѣ
Русь Святую покалечит!

Вечной славы и молитвы
Души воинов достойны!
Помолитесь и окрепнет
Русь, пройдя любые войны.

Ты дышишь, я верю, хоть воздух тяжѣл,
Смертями пропитан, тоской поражен.
И тянется время – замедленный яд,
Но знаешь ты твѣрдо: ни шагу назад!

Ты скромн, как прежде, хоть путь твой велик!
И сердце отчаяться вновь не велит.
Куда б не забросила злая судьба,
Ты будешь бороться за нас, как всегда!

Родной наш, бывалый Российский солдат!
У Родины твой нестибаемый взгляд.
И смотрит с надеждой и верой она:
Закончится нашей победой война!

Держитесь, матери и жѣны,
Опоры вашей крепче нет!
Вы для ребят за красной лентой -
В конце туннеля яркий свет!

Не знаем, сколько б продержались
Они вдали без теплоты,
Если б не грели письма ваши
Словами искренней любви.

Там всѣ другое: жизнь, как выстрел,
До гибели всего лишь миг!
И очень важно, чтоб прорвался
Через невзгоды женский лик!

Не потому ли в прошлых войнах
Солдаты очень берегли
Поистрепавшиеся фото
С глазами преданной любви?!

И сколько раз в момент затишья
Он лист заветный доставал,
Где от волненья женский почерк
Ему о всѣм, что мог, писал.

Уже заученные строчки,
Размыт чернилами листок,
Но каждый раз глазами ищет
Желанные те пары строк.

Во фронтовых суровых буднях
Так важно им осознавать,
Что все лишения не напрасны
И в сердце есть, кто будет ждать!

Назло невзгодам и печалям,
Наперекор самой войне
Любовь спасёт сквозь расстоянье,
Придаст им сил, что там в цене!

И чтоб в дальнейшем не случилось,
Всегда умейте сердцем ждать!
Любовь и вера неразрывно
Всегда помогут выстоять!

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВА

В глаза солдату загляните

В глаза солдату загляните –
Это участник СВО.
А вы сейчас в тепле сидите?
И я сижу – мне хорошо.

Тепло, уютно, солнце – поглядите!
И небо синее над головой!
В глаза солдату загляните:
Усталость в них, тоска и боль.

А мы сидим и рассуждаем,
Деньжищи, мол, они гребут.
Но с вами мы, увы, не знаем –
Они на смерть ежеминутно там идут.

Всё ради нас не спят они ночами.
Всё ради мира на родной земле.
И воспалёнными глядят глазами,
Чтоб не было врага на рубеже.

И пристально глядят глаза солдата
Далёко, где ещё просвета нет.
А мы в тепле с вами, ребята.
А там война и ходу назад нет.

Да, кто-то говорит и не стеснясь,
Что миллионы там они гребут.
Так вы попробуйте, сходите –
Там всем деньжищи выдают.

Да только эти деньги боевые:
С болью, кровью, потом и слезой.
Солдаты наши всем нужны живые.
Живыми ждём мы их домой.

В глаза солдату загляните –
Это участник СВО.
И слов пустых не говорите.
Пока они Там – нам Здесь хорошо...

А их не становится меньше

На гранитной плите имена...
Списку нету конца и края.
Каждый день хороним ребят,
В путь последний их провожаем.

Столько боли скопилось в груди,
Невозможно с ней поделиться.
И всё чаще встречаем мы
Заплаканные от горя лица.

И всё чаще набат звучит,
Извещая страшные вести.
Во все уголки страны
Развозят груз «двести».

Это скорбная тяжесть судьбы.
Безвозвратная наша потеря.
Страшно жить с горем на ты,
Жить, в завтрашний день не веря.

Шары над миром в небеса летят,
И каждый шар – душа солдата.
А матери и жёны голосят –
За чьи грехи такая дикая расплата?

А над погибшими в лесу деревья плачут

Был не из лёгких бой, очередной,
Тяжёлый бой, неравный, затяжной.
Мне это фото сына друг прислал
И горькую историю он рассказал.

«Воюем мы повсюду, где врага встречаем.
Кто выживет из нас в бою, не знаем.
И каждый раз однополчан теряем.
Как тяжело, когда глаза погибшим закрываем.

Вы приглядитесь, вот боец лежит.
Нет, он не ранен, он в бою убит.
Сражён он вражескою пулей наповал.
Совсем недавно рядом с нами воевал.

Опять «двухсотый» – боль, обида, страх.
Продолжит жить боец в рассказах и стихах.
Мы наступаем, мы на врага вперёд идём.
Прости. Мы обязательно придём к тебе и заберём.

Вдали опять неистово грохочет канонада.
Нам продвигаться дальше-дальше надо.
А ветер шелестит прохладною листвою,
Нас стало меньше, но мы готовы к бою».

И эту пядь земли с боями отстояли,
Кому-то вручат звёзды, ордена, медали
А над погибшими в лесу деревья плачут.
Ах, если б не война, всё было бы иначе...»

АЛЕКСЕЙ ЖУКОВ

Вещий сон

Мне снился сон под дождь и дальний гром:
...Звук выстрелов. Бегут и плачут дети.
Фашистский крест и натовский погон
в своём окне увидел на рассвете.
Чужая речь: – Сдавайся! Рус – капут!
Вновь выстрелы. Смолкают крик и стоны.
«В подвал я, если спрячусь, – не найдут! –
Ведь, всё равно, закончились патроны». –
– Не прячься, дедка! Вас Бандера «ждёт», –
По-украински дальше слышу речи:
– Там русский заховался, пусть умрёт!
Никто ему уж не поставит свечи...
...Все восемь лет я «защищал» Донбасс,
в тепле, у телевизора пристроясь.
Негодовал, страдал в душе не раз,
ложился спать, немного успокоясь.
И вот пришёл держать тебе ответ,
Встать во весь рост, и головы не пряча.
Пусть в семьдесят или в семнадцать лет –
В одном строю стоять – и не иначе!
Вдруг слышу голос своего отца:
– Я выжил для того, чтоб ты родился.
Черёд настал, не опусти лица!
Донбасс, как Крым, к нам в лоно возвратился!..
За нами – правда, новым стал Союз,
Союз Любви и истиной Свободы.
Во все века вам не сдавался рус,
Идя на смерть, лишения и невзгоды.

НАДЕЖДА МОРДВИНОВА

Единство народов

В единстве народов – великая сила.
Глазами небес она смотрит на нас.
Врагов беспощадных она истребила,
Омыла зарею наш утренний час.

История помнит сраженья былые,
Когда не дремали России сыны,
Когда проносились года боевые
Над жизнью могучей и грозной страны.

Метался пожар роковых разрушений,
Крошилась земля под напором врагов.
Но наши герои сквозь годы лишений
Исполнить смогли заветы отцов.

Народы России в сраженьях бесстрашны!
Единство сердец – знак спасенья от тьмы!
Молитвой чудесной край неба окрашен,
И свет озаряет родные холмы.

В полях, и лугах, и лесах изумрудных
Проносится песня о славных сынах,
О времени темном, безрадостном, трудном,
О вере, свободе и светлых мечтах.

Просторы земли, от Москвы до Урала, –
Свидетели славной и честной борьбы.
В веках растворяются звуки кинжала,
Но нити не рвутся общей судьбы.

Сплетаются крепко они меж собою:
В богатстве традиций – священный исток.
Наполнен он счастьем и красотой.
К покою стремится бурный поток.

В единстве народов сияет свобода
И мир процветает во благо живых.
Лучами согрет ясный лик небосвода,
И льется река песен простых.

АЛЕКСАНДР ФАКЕЕВ

Кругом ни зги не видно,
Глаза нам режет гарь.
Где наши? Где противник?
Где чуешь, там удар!
Уже накрыли мины,
Расчёт со всех сторон!
Позиций не покинул
Российский батальон.

Когда мы штурмовали,
Нам было тяжело:
Семь суток мы не спали,
И мышцы нам свело!
Но всё же город взяли.
И около колонн
Спит тихо после боя
Российский батальон.

Давайте-ка закурим,
Ведь кончилась война!
И выпьем на дорогу
Зелёного вина.
Теперь домой поедem,
Беда прошла, как сон,
Но ЭТО не забудет
Российский батальон.

ВЯЧЕСЛАВ КУДРЯШОВ

Орёл бытия

Великая птица – двуглавый орёл!
Держава и скипетр, святой ореол
И взмах его крыльев, священных Христом,
Внушают уверенность завтрашним днём.

Хранит он всевластие нашей страны
Копьём и щитом у себя на груди.
И реет над нами светило небес,
В обломках Отчизны тот снова воскрес!

Пронзает когтями их вражеский стяг,
Меж взора его не проскочит русак
– Всеславная птица примкнёт ко Христу:
С Россией Господь и в едином строю!

Во славу Отечества наших свобод
Тебя воспевают наш русский народ!
Ты взглядом пугаешь Европу, Восток,
И лапами с Миром играешь в клубок.

Сакральный орёл, как покорность судьбе,
Спустился с небес к нам в священном
огне:
Отныне ты гордость и слава моя,
Хранимый Россией орёл бытия!

ВЛАДИМИР ЛАЧКОВ

Ветеран

Раньше был ты, может, генералом,
Может, лейтенантом, может, рядовым.
Шел на бой с открытым ты забралом.
Повезло: пришел с войны живым.

На погоду ночью ноют раны,
Снятся сны: в атаку ты идешь.
И давно ты в чине ветерана,
Но за высоту все бой ведешь.

Вспоминаешь дальние походы,
Всех живых и сгинувших друзей.
И уже правнуки взошли, как всходы,
Ты ж воюешь в юности своей.

Ты немногословен, прям, спокоен,
Но в глазах все та же синева.
И во всех делах все тот же воин,
Что в войну присягу принимал.

Только в главный праздник –
День Победы –
Надеваешь чудо-ордена.
Смелость и отвага – твое кредо.
На груди вся мощь видна.

Ты сегодня Родиной гордишься
И готов ей жизнь свою отдать.
Только нынче за не боишься,
Как боится сын за свою мать.

Трудно нынче Родине пригожей
Сердце раною болит твое,
Тебе горько, что ты вновь не можешь
Защитить с оружием её.

НИКОЛАЙ ПРИВАЛОВ

«Когда?»

Когда? Скажи, когда,
Окончится она, когда?
Когда придёт тепло победы?
Когда пройдут тугие беды?

Когда вернутся наши парни?
Бойцы Российской нашей армии!
Обнимут мамка и сестра!
От счастья вытрем мы глаза.

Когда вернут тела погибших?
Свой век спокойно недоживших.
Когда оплачет сына мать?
Врагам на это наплевать.

Когда, скажите мне на милость,
Закончится вот эта дикость?
Когда врагам, не зная жалость,
Смерть наших им приносит радость.

Когда же сердце перестанет
От грустных замирать вестей?
Когда друзья твои вернутся
С пропитанных войной полей?

Когда найдётся компромисс,
Что сможет завершить все войны?
Когда настанет чистый лист?
Когда мы будем жить с любовью?

ВАЛЕРИЙ ЖАЛАБКЕВИЧ

Память о прошлом

Пламя. Крики. Застлано всё осколками,
Рядом, бок о бок, трутся тут жизнь и смерть,
Брошены дети в ад, бумагою скомканной,
Многим уже не придётся из них повзрослеть.
Жилы наши не нитями стали – тросами,
Мстили в бою за друзей, голову очертя,
Стали за пару дней мы с тобою взрослыми,
Смерть и врагов посылая ко всем чертям,
Друже, смерти на зло мы всё-таки выжили,
Зря нашим шеям готовила та аркан,
Выжили, на земле беспощадно выжженной,
Вечером в память погибших выпьем сто грамм.
Выпьем с тобой и вспомним друзей по имени,
Трассер салютом кучно взметнётся ввысь,
Я бы друзей за полжизни у смерти выменял,
Вот в ком поистине кровь текла, а не слизь.

ВАРВАРА АНТОНОВА

Мой папа воюет на СВО

Мой папа воюет на СВО
Я не видела его уже давно.
Очень жду когда он придёт
Меня на ручки возьмёт.

Посадит на широкие плечи
И сразу мне станет легче.
Пусть папа с Победой придёт,
И больше от нас никуда не уйдёт.

АЛИСА ЧЕРЯПИНА

Я никак не могу понять

В Украине идёт война,
Ну кому же она нужна?
Нацисты на Донецк и Луганск идут
Где обычные люди в домах живут.
Я никак не могу понять
Как же можно в людей стрелять?
Они просто хотят с нами быть
И детей своих в мире растить.
Почему же они тогда
не пускают их к нам сюда?
Неужели не могут никак понять,
Мы друзей не привыкли в беде бросать!
И Россия на помощь придёт всегда,
Если к нашим соседям стучит беда!
Не остановит нас никогда
в мире возникшая суeta.
Пусть они санкции изобретают,
Наших спортсменов везде отстраняют,
Россию они никогда не сломают!
Нет армии нашей сильнее на планете,
Об этом у нас знают все – даже дети!
Мы это миру всему доказали,
Когда в 45-м фашистов прогнали!
Героями славится наша страна,
И их посылает на помощь она!
Мы вами гордимся – держитесь, ребята!
Ведь правое дело – всегда будет свято!
Россия не хочет ни с кем воевать,
Но мир в нашем доме должна защищать!

АНАСТАСИЯ НАДЕИНА

Письмо Победы

«Что тебя тревожит?» – ласково спросишь ты меня, осторожно тронув мое плечо своей горячей ладонью. Горячей не от волнения, не от страха. Нет. Я уверена, ты никогда не позволял этим чувствам овладеть тобой. Горячей от любви, от светлой, искренней любви к ближнему, исходящей от самого сердца.

«Не знаю!» – робко отвечаю я и замолчу. Замолчу от бессилия, которое, как бы странно это ни звучало, зачастую оказывается сильнее самого человека, которое словно гложет его душу, беспощадно и жестоко вонзает нож в самое сердце, оставляя глубокую, незаживающую рану. «Я ничего не могу сделать. Совсем ничего. Понимаешь? Почему? Почему так безжалостно и жестоко? Разве в этом есть справедливость?» – прошепчу я дрожащим от волнения голосом. Ты поднимешь свои добрые блестящие глаза, так пленяющие заботой, и лицо твое озарится молодой скромной улыбкой, как на той фотографии. А затем присядешь рядом на пенек и крепко обнимешь. Сорвешь пушистый белый одуванчик и тихо произнесешь: «Закрой глаза и досчитай до семи, а затем загадай желание. Семь – хорошее число. Помнится мне, на войне всегда, когда было больно, я считал. И знаешь, помогало. Человек сильнее боли, сильнее страха, сильнее бессилия, и лишь любовь сильнее человека. Любовь к Родине, к матери, в Богоро-

дице, к дочери, к внучке – она бывает разная, но всегда такая большая, искренняя – отсюда – ты легонько тронешь пальцем израненную грудь, показывая на сердце. Я закрываю глаза и горько плачу. «Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... хочу, чтобы мы еще раз обязательно встретились, дедушка», – шепчу я, чувствуя ласковый поцелуй в мокрую щеку, и просыпаюсь. Я все тут же, на лугу, на старом пенечке, на котором только что сидел ты, мой любимый прадедушка. А теперь остались лишь слезы отчаяния, оставляющие капли на листе моего письма, и счастливые воспоминания о нашей мимолетной встрече.

Сегодня Девятое мая. Ровно 76 лет со дня Великой Победы над фашистскими захватчиками. На Красной Площади который год проходит торжественный парад, дружно маршируют батальоны, летают военные самолеты. Парад проходит во многих городах России, и у нас, на площади Куйбышева, в Самаре. А я сижу на полянке, на старом одиноком пенечке, наслаждаюсь лесной тишиной, нарушаемой лишь убаюкивающим пением птиц и таинственным шепотом листьев, пишу тебе, мой любимый дедушка.

Знаешь, мне так тебя не хватает! Как мне хотелось, чтобы все сложилось иначе, чтобы ты вернулся домой, вернулся туда, где тебе всегда рады, где тебя ждет невысокая исхудавшая жена с печальными глазами, выражающими надежду, двухлетний голубоглазый сынишка, мирно сидевший, научившийся, впрочем, уже произносить священное слово

«папа». Но в ответ на отчаянные наши просьбы беспощадная война скалит зубы в жесткой ухмылке, и из ее черной пасти льется мертвым ручьем темно-бордовая кровь погибших за Родину героев.

В ее бешеном взгляде виден безумный фашист, жаждущий все больше крови. Но ведь и у зверя должна быть душа? Равнодушное стальное сердце немца не слышит отчаянной мольбы, криков ужаса, плача надрывающихся детей. Оно давно уже зачерствело, одичало. Давно забыло, что такое доброта, чуткость, понимание...

Сколько же людей погибло, дедушка... Ужас пробегает мурашками по всему телу, когда звучит это страшное число дрожащим голосом говорящего: двадцать семь миллионов человек. Никогда наше поколение не сможет отблагодарить вас за истинное мужество и стойкость. Мы никогда не ощутим то, что чувствовали вы, глядя смерти в лицо. Она пожирала вас своим сумасшедшим взглядом, впивающимся в самую душу, пыталась вызвать трусость и сломать вас. Но ваше сердце горело любовью к Отечеству, и это тоже согревало, лечило, не давало опускать руки, помогало идти дальше и бороться против немцев. Несмотря ни на какие трудности. И никакие залпы вражеских орудий не заглушили вашу любовь, не потушили ее пламя.

Ветераны, вы боролись со смертью, с судьбой, с войной, со страхом, с фашистами, но благодаря силе вашей и невероятной храбрости вы устояли в этой жестокой схватке. И

порой даже сама смерть растерянно прятала свою косу и, надев черный капюшон, убегала, испугавшись смелости и решительности русских солдат.

Дедушка, ты был прав, любовь сильнее всего, даже самого человека.

Мы победили! Победили немцев, внезапно ворвавшихся на наши русские земли, беспощадно убивавших всех на своем пути. Спасибо вам, ветераны, за мирное небо над головой, за яркое солнце, за землю, за леса, за то, я сижу на прекрасном лугу и наслаждаюсь великолепным пейзажем нашей русской природы. За все огромное спасибо! Спасибо за счастье, за радость, улыбки, которые приносит каждый день свободной жизни. Как бы нам хотелось поделиться с вами всем этим, чтобы и вы ощутили истинное счастье, которого вам так не хватало!

Мы навсегда запомним Ваш подвиг!

ИВАН НИКУЛЬШИН

*Член Союза писателей России. Поэт,
прозаик. Заслуженный работник культуры
Российской Федерации.*

Доброволец Каравейников

Выйдя из подъезда, Юрий Михайлович увидел полную скамейку женщин, дёрнулся было назад, но, услышав, что говорят не о нём, подошёл и поздоровался.

Скамейка скорбно промолчала, лишь глуховатая старуха Егоршина с глазами, утупленными себе в ноги, продолжала тянуть начатый разговор. Да ещё соседка по лестничной площадке Вера Яковлевна, завидев его, поднялась с готовностью уступить ему место, но Юрий Михайлович в знак отказа мотнул головой, и она села.

Говорили о Саше Наумове, жильце их дома, убитом на Донбассе, о его вчерашних похоронах. Было всем ужасно жалко парня: молодой, добрый – мухи не обидит.

– А уж каким вежливым был! – низко свесив голову, вздыхала старуха. – Десять раз встретится и все десять раз поздоровается с тобой. Золото, а не парень!.. И на Донбассе, говорят, героем был. Два чужих танка подбил... Да-а, – с нажимом на каждом слове, тянула она, непонятно, откуда чего взяв, – на третий вроде бы нацелился, да бендовская пуля прямо в

висок угодила... Вот ведь как бывает. Не думаешь, не гадаешь, а смерть, она вот, рядом с нами ходит... Ох-хо-хо, жизнь наша!..

Шевельнув клюкой, старуха подняла голову, увидела стоявшего перед ней Юрия Михайловича и страшно удивилась.

– Ба, ба, – запричитала она, – а ты откель тут взялся!?

Скамейка дрогнула и затряслась от смеха.

– Да он с коих пор здесь стоит! – смеясь, кричали женщины.

Пеняв свою оплошку, Егоршина сконфузилась и принялась оправдываться:

– А я и не почуяла, ишь ведь тихоня какой – весь в отца!..

Этот небольшой казус оживил женщин, поднял им настроение, и разговор с вчерашних похорон перелетел на Юрия Михайловича.

Начала его Евдокия Твердюкова, бывшей контролёр ОТК их завода, полная, рыхлая женщина в розовом платке, намотанном на голову в виде пышного тюрбана.

Она повернулась к Егоршиной и, смеясь, сказала:

– Вот ведь что творится, баба Катя. Рядом столько не определённых женщин, а этот бычок-простачок, – кивком головы указала на Юрия Михайловича, – ходит, никого не замечая. Разве это справедливо?

И она с ног до головы обежала глазами фигуру сконфужено мнущегося Юрия Михайловича:

– Когда жениться будем? – с грозным притворством спросила контролёрша.

«Ну, началось», – досадливо подумал он, ёжась и слегка пожимаясь.

– А никогда! – шевельнув клюкой, решительно ответила за него старуха Егоршина.

И он подхватил с застенчивым смешком:

– Моя невеста ещё не выросла.

– Господи, да черт с ней, с этой твоей невестой, пускай растёт! – разом загудела скамейка. – Пока она вырастет, мы тебе этих невест целую вязанку навяжем. У нас их – пропасть сколько!.. Да вон хотя бы Вера Яковлевна, чем тебе не невеста? И посмотреть любо-дорого: и ладом, и задом взяла! И губы накрашены, и ноги бутылочкой...

Дурачась и похохатывая, женщины принялись нахваливать Веру Яковлевну.

Она тоже смеялась, конфузясь и краснея от шутивых соседских похвал.

– Да и Юрий Михайлович у нас конь, хоть куда! – не забывали похваливать и его.

– Посмотрите, это же не мужчина, а кровь с молоком! По всем статьям молодец молодцом! – кричала Твердюкова, обеими руками указывая на Юрия Михайловича. – И рост, и бравость, хоть сейчас – в солдаты!

– Это ещё чего?! – возмутилось сразу несколько женщин. – А нас куда?

Тут и Вера Яковлевна тряхнула завитушками своей кудрявой головы и крикнула с грубоватой разухабистостью:

– Нет уж, мы его сами съедим, никому не отдадим!

Скамейка шумела, волновалась, заливалась смехом. Вера Яковлевна даже кокетливо

привстала, чтоб показать свою фигуру. Дурачась, она стала притопывать ногой и сладко повизгивать. И все, вторя ей, тоже легонько повизгивали и кричали на разные голоса.

Юрий Михайлович смущено улыбался и чувствовал себя, как человек, случайно выставленный на подиум. Было и неловко, и даже немного совестно. Он морщился, кривился и думал, как бы ему, никого не обидев, сбежать от столь дружного женского внимания. Но соседки уже вошли в весёлый задор и теперь долго не отступятся от своего балагурства.

Все они тут живут одним сплочённым кошем, все друг друга знают, можно сказать, со времён Адама, а вернее – с самого заселения в эту пятиэтажку, построенную ещё в советское время механическим заводом для своих рабочих.

Юрий Михайлович и вырос в этом доме, и вся история его семьи никакая не тайна для большинства сидящих на скамейке женщин. И уж тем более для старухи Егоршиной.

Это она сейчас глуха да подслеповата, одряхла и раскисла, как перестоявший гриб под осенними дождями, а когда-то была ух какой женщиной! Её имя на весь заводской микрорайон звенело; передовая станочница, депутат райсовета! Ради забавы, бывало, не упускала случая с ними, мальчишками их двора, стометровку пробежать наперегонки.

А с Верой Яковлевной они росли в одну пору, ему даже когда-то в жены её прочили. Оно, может, так и вышло бы, если бы не его холостяцкие убеждения.

С этими его убеждениями тут довольно непростая история. Все, кто хорошо знает семью Каравейниковых, помнит и покойную Полину Андреевну, мать Юрия Михайловича, женщину, по согласному мнению соседок, властную, с тяжёлым изломанным характером. Вот она, по общему уверению, и посадила сына на холостяцкий кулан.

Старуха Егоршина однажды ему об этом прямо сказала: «Знаешь, Юрочка, мать твоя, царствие ей небесное, и себе, бедняжка, отравила жизнь, и вам с отцом её, как сухую былинку, переломила. А всё это с любви её окаянной: сама на ней свихнулась и тебя вот на холостяцкую жизнь обрекла».

Егоршина знает, что говорит. Они с матерью Юрия Михайловича в одном классе учились, и запомнила её девочкой с большими запросами, гордой и самоуверенной.

По словам Егоршиной, в школьные годы угораздило Полину со всей её страстью влюбиться в соседа по парте Колю Денисова, парня красивого, но пустого и шалопаистого. Вся судьба, весь свет её жизни сошёлся на этом Коленьке – милом ангелочке. И все мечты сводилась к одному: вот настанет такое счастливое время, поженятся они с Колей и заживут в большой любви и светлой радости.

С этим мечтаниями и в армию Коленьку проводила, письма ему страстные слала, каждый час, каждую минуту возвращения ждала. А он вернулся и сразу женился на их бывшей однокласснице Светке Старковой, которую и красивой-то никак не назовёшь:

сутула, чернява, один глаз в сторону косит. Да как можно было променять её, красивую, гордую, на такую страхолюдину?..

И оплела сердце Поленьки лютая ревность своим губительным плетением. Совсем чумной стала, всё бегала, желая объяснить с Колей, на каждом углу его подстерегала. А когда подстерегла, он и разговаривать с ней не стал, засмеялся, махнул рукой и пошёл прочь.

И такое отчаяние охватило Поленьку, что в отместку ему, она возьми, да и выскочи замуж за Мишу Каравейникова, парня, можно сказать, совсем не красавца, нрава тихого, покорного, как цыганская лошадь. Понимала, не по себе въёт венец, стгоряча, с гордости, со слепого отчаяния замуж выходит.

И с первых же дней возненавидела своего тихого супруга. Всё в нём не так да не эдак, всё не по ней да не по её: и сон-то у него, как у древнего старика, и походка-то корява, в глазах-то ягнячья робость, и до пирожков-то с ливером он большой охотник. Ещё и сама не знала, к чему прицепиться.

Все горести, все неутолённые страсти души своей стала на мужа вымещать. Любой неверный шаг, любая его оплошка выливалась в истерику с визгливыми криками, с горячими слезами, с чередой надуманных упрёков и придилок. Близкие люди, наблюдавшие эту картину, качали головами, говоря: «Похоже, у бабы крыша поехала вместе с трубой... Да это же циркулярная пила! И как только терпит её Мишка? Она же ему голову когда-нибудь смахнёт».

С появлением в семье ребёнка всю свою любовь к мужу Полина Андреевна перенесла и на сына. Тут и стало всё семейное несогласие Каравейниковых ложиться на душу маленького Юры, как ржавая мгла на первые весенние травы.

Едва маленький Юра начал помнить себя, как стал помнить и бесконечное буйство матери, её нервные срывы с шумливой бранью и отцову бесконечную покорность в ответ. При первых же признаках материнского гнева, маленький Юра в страхе заползал под стол и, вытаращив глазёнки, оттуда наблюдал за происходящим, пока не спохватывался отец и не уносил его в дальнюю комнату.

Ему было лет шесть, наверное, когда вместе с матерью случилось им идти куда-то. Она шла, как всегда, мелко дробя каблуками асфальт, и он едва поспевал за ней. В одном месте споткнулся, упал, ушиб носик и заревел.

Его неловкость обозлила мать, лицо её побелело. Она схватила Юру за ворот и потрянула его так, что он вылетел из курточки и заплакал ещё отчаяннее. Мать наклонилась к нему и зло прошипела: «Весь в отца, недотёпа!» И принялась трясти, напаяливая на него курточку. Делала это зло, порывисто. Прохожие оглядывались на них, удивлённо качали головами. А толстый дядька в соломенной шляпе остановился и возмущённо стал говорить:

– Да это что вы, матушка, вытворяете с ребёнком?!

Мать заплакала, подхватила Юру на руки и понеслась, как слепая, задевая и толкая прохожих.

Материнские слёзы вызвали жалость в нём, он раскрыл ручонки, желая обнять её. Но она быстро сняла его с рук, поставила на ноги и опять понеслась, словно бы собралась навсегда убежать от них с отцом.

Материнская тирания порой и отца доводила до слёз, и когда он растроганно хлюпал, сидя за кухонным столом, она говорила: «Сам виноват, незачем было жениться».

И в голову маленького Юры с каждым разом западало, что женитьба – дело не только негодное, но даже, пожалуй, и самое отвратительное из всего плохого, что есть; кто женится, тому бывает худо.

Мать и сама, должно, страдала от собственной тирании. Иной раз, просыпаясь ночами, он видел чёрную тень женщины, роняющей слезы над его кроватью. И он, как испуганный червяк, ещё глубже заползал под одеяло.

Бывали случаи, когда мать, словно бы опамятовалась, сама начинала ластиться к нему. Но он уже не верил в её ласки и даже боялся их.

Болезнь материной души быстро подточила её организм и раньше времени свела в могилу. Умерла она совсем молодой во сне, никого не потревожив.

Он молча поплакал над её гробом. Слёзы не утешили его, однако принесли облегчение, будто свинцовая рубашка сползла с его тела.

С кончиной матери и отец заметно переменился: стал свободней в суждениях, вольней в поступках, словоохотливей, с друзьями чаще начал встречаться. Ему наперебой сватали

невест, но он не стал больше жениться, один растил Юру. И этот отцовский поступок тоже послужил ему уроком.

От отца к нему перешли некоторые его черты и привычки: он так же слегка сутулился, так же застенчив и молчалив, как и отец. И глаза у него отцовы, небольшие, серые, немного печальные.

В школе особой дружбы Юра ни с кем не заводил, увлёкся «живым уголком»: в свободное от уроков время возился с павлинами, со школьными цесарками, за кроликами убирал в клетях.

Как это и бывает с безответно покорными мальчишками, его норовили обидеть не только отпетые школьные оторвишники, но и девочки-паиньки не упускали случая выместить на нём какую-то свою мелкую досаду. А долговязая одноклассница Люба Мелешкина однажды в углу школьного коридора своей лаковой туфелькой так заехала ему в пах, что он всю большую перемену корчился от боли.

Проявление столь лютого девичьего коварства тоже не вызывало в Юре желания когда-либо жениться. С этими крепко засевшими в нём настроениями, перешедшими в твёрдые убеждения, он и до выпускного класса дошёл. А тут и армейской службы подкатали пора.

Полностью армию служить ему не пришлось. Это было такое время, когда страна всё умильней стала поглядывать на «загнивающий» Запад, телевидение захлёбывалось восторгом от перестроечных свершений, а в печатных изданиях громче заговорили о конвергенции.

И выходило так, что кругом у нас одни друзья и камрады: все за мир, за дружбу. И мы тоже всех любим, обнимаем и целуем в засос.

А коли воевать-то, получается, не с кем, то и на фига нам армия.

Заводские мужики за отцовским дружеским столом откровенно насмешничали над подобными перестроечно-благодушными настроениями и говорили, озорно подмигивая Юре, ждущего повестку на призыв: «Вот, парень, время-то какое, и подраться нам не с кем!..»

Ну никак не верили они ни в перестроечные сказки, ни в буржуазное миролюбие.

А Юрин отец как-то ляпнул с задумчивой серьёзностью:

– Ничего, у нас по деревням дедовских плетней ещё много. Если что, в колья встретим супостата...

Мужики смеялись, и Юре было смешно. Выдумщики всё-таки эти заводские мужики!..

Но смех-то смехом, а у жизни своё колесо: несмотря на общее перестроечное брожение в умах, армейской службы пока никто не отменял. Дождался и Юра своей повестки, по которой угодил в учебный центр не самого дальнего военного округа. Здесь под нулёвку остригли его, одели в солдатский бушлат и вместе с другими новобранцами стали учить строевому шагу, из «калаша» палить, да азы политической подготовки вкладывать в их молодые незрелые головы.

Но и солдатскую лямку ему пришлось тянуть недолго – упразднили их военный округ.

Дома Юру встретил отец, худой, ссутулившийся, похожий на городского голубя, пережёсшего голодную зиму. Нелегко всё-таки далась ему смерть жены.

Встретив сына, Михаил Иванович к обеденному столу напёк пирожков с ливером, в только что открывшемся «Макдональдсе» купил пепси-колы, великого заокеанского освежительного «чуда». Этим напитком и отметили благополучное завершение Юриной солдатской службы.

Стали решать, кем дальше ему быть, с чего гражданскую жизнь начинать. Долго думать не пришлось, утром отец повёл Юру на механический завод устраивать учеником слесаря в свой инструментальный цех.

Громада завода с кирпичными корпусами впечатлила его. Впечатлил и цех, в котором предстояло учиться и работать. Он был просторен и высок под арочной крышей из застеклённых рам. По цеху бегали автокары, управляемые румяными девушками; вверху с металлическим жужжанием ползал, позвякивая свисающими цепями, мостовой кран.

Была в цехе и своя медницкая с коленчатой вытяжной трубой из белого дюраля. Эта труба слегка вибрировала при работе и походила на гигантского червяка, по кирпичной стене ползающего на крышу.

При входе в цех стояла небольшая конторка. За её стенами из матового стекла располагалась служба ИТР. Люди, находившиеся там, напоминали разноцветных рыбок в аквариуме. Среди них была и Юрина соседка

по лестничной площадке Верочка Гунько, строгая, как туго натянутая струна.

Юре нравилась её каштановая пышно взбитая причёска, пугливый взгляд быстрых серых глаз. Она той весной вышла замуж за молодого инженера Андрея Гунько и поступила работать табельщицей в их цех.

Её замужество обрадовало Юру – наконец-то знакомые отлипли со своими вечными приставаниями: «Когда, Юра, свадьбу будем играть? Смотри, Верочка-то прямо на глазах расцветает! И ходить никуда не надо, под боком невеста...»

Он лишь сердито сопел в ответ.

Тем же летом в третьем подъезде их дома поселился отставной прапорщик Перемогин Николай Васильевич с молодой женой Эллиной, певичкой из бывшего окружного ансамбля, расформированного одновременно с округом.

Это была яркая парочка: она – молодая, голенастая, с лаковым ридикюлем под мышкой – своей прелестью любого могла обаять. И он – лёгкий на слово, в некотором роде даже осанистый, несмотря на сою молодость, сразу ставший своим человеком для всего дома. Уже одно то, что прапорщик показал себя превосходным музыкантом, много значило. А ещё он оказался умельцем на все руки и заядлым рыбаком.

Он и Юриногo отца быстро приучил к рыбалке. Она настолько увлекла Михаила Ивановича, что, кроме завода да этого нового своего увлечения, у него и других разговоров не стало.

Юре же прапорщик понравился своей простотой и живостью.

А в цехе на время ученичества к нему поставили наставника. Им стал украинский хлопец Артур Даниленко. Два года назад он отслужил армию в местном гарнизоне, перед демобилизацией получил из дома письмо, в котором извещалось, что его волоокая Оксана вышла замуж за какого-то московского кацапа, и Артур, чтобы не травить ревностью своего сердца, решил не ехать домой, осел в городе, устроился слесарем на завод. По рекомендации райкома комсомола его сразу же выдвинули в секретари молодёжной цеховой организации.

Это был видный из себя парень: высокий, стройный, с завитушками русых волос, свисающих на лоб. Его голубые внимательные глаза под тонкими чёрными бровями не могли не волновать девичьих сердец. Возле Артура так и вился весёлый хор невест.

Юра тоже не был обделён вниманием девушек. Его с первых же дней заприметила водительница автокара Зина Карлушина. Маленькая, юркая, как лесная птичка, она взяла себе такую моду: остановит возле Юриного верстака свой автокар, вскинет на парня лукаво прищуренный взгляд, да и произнесёт, мило улыбаясь:

– Карета подана, сударь, извольте прокатиться!

И с наклоном головы широким артистическим жестом повторит своё приглашение.

А он даже не взглянет в её сторону. Но Зина

не отступает, уставится на его руки и глядит, как они мелькают, тяжёлым драчёвым рашпилем шаркая по закреплённой в тисках заготовке.

И его подмывало поболтать с этой маленькой бойкой милашкой, но он не позволял себе этой вольности. И чем упорнее Зина смотрела на его показное старание, тем он злей и упорней шаркал по железу.

Она, конечно, понимала: неспроста злится парень. И не отступала.

Но тут с соседнего верстака доносился требовательный голос того же Артура Даниленко, их комсомольского вожака и бригадира:

– А кто план за нас будет ковать?

Зина спохватывалась и тотчас отъезжала...

Юрий Михайлович хорошо помнит все те золотые дни. Да и можно ли забыть время, которое прошло через твою молодость и твоё сердце?

Можно сказать, целая эпоха с той поры пролетела, а он всё ещё одинокий. Томит ли его одиночество? Да, случается. Бывает, при виде иной женщины и его накрывает тихое очарование. Но он закрывал глаза, представлял визгливый голос матери, и очарование пропадало...

А после вчерашних похорон Саши Наумова, ему стало совсем не до очарований. В нём словно бы перевернулось что-то, всю ночь доносили тяжёлые мысли: такого парня потеряли!..

И сама специальная военная операция в его глазах совсем другой предстала. Когда её объ-

явили, и сам он, и мужики в их цехе посчитали, что это так себе, семечки; сегодня она началось, завтра кончится.

А выходит, не так себе. Выходит, очень даже всё серьёзно. Самый настоящий пожар занялся, и стаканом воды его не залить. Здесь не расслабляться, а в единый кулак собираться надо.

С этой тревожно насевшей на него мыслью, он и вышел сегодня из дома. А тут соседки о погибшем парне сошлись погоревать. Теперь вот на него надели.

Принимая их балагурство, Юрий Михайлович благодушно улыбался, держа голову на бочок, и щурился от солнца. Оно уже высоко поднялось. С развесистых берёз, выросших по всему фасаду дома, при каждом шевелении воздуха на скамейку и асфальт сыпалась рябая пестрота света. Она вносила не только некоторую живость в привычную картину городского дня, но и даже как бы одухотворяла её бесконечным мельканием летучих солнечных зайчиков.

Юрий Михайлович сощурился при очередной слепящей вспышке солнечного зайчика, и хитро усмехнулся, заметив, как можно равнодушной:

– Вы вот тут болтаете о разной ерунде, а я, между прочим, ценами озабочен. Заглянул вчера в «пятёрочку», а они даже очень скакнули.

Женщины на мгновение замерли, напряжились, вытянув шеи, как будто у них в горле что-то застряло, возмущённо посмотрели одна на другую и разом сорвались на крик.

Прежде всех возмутилась Евдокия Твердюкова. У неё, кажется, даже её красный тюрбан занялся пылом горячего возмущения.

– И правда, бабы, это что за херня такая? Пошла утром в молочку, а там куриные яйца с какого-то перепуга золотыми стали, – тяжело ворохнулась она, и большое дряблое лицо её побагровело.

– Это с чего у нас хозяева курятников совсем с катушек слетели?! – кричала она, – Они что, бриллиантовых петухов себе завели?! Или, может, кур жемчугами стали кормить?

– Прям, жемчугами! – зажигаясь праведным гневом, завскакивала, пришла в движение вся скамейка. – Накормят, держи карман шире!.. Жемчуга да бриллианты московские барыни теперь вон к своим задницам лепят!.. Сталина на них нет...

Подняли такой тарарам, такое страшное возмущение, что жильцы верхних этажей стали высовываться из окон.

– Девальвация, девальвация! С какой грыжи она, эта ваша девальвация?! Посадили себя на американский доллар, а он у них пустой, как пионерский барабан, вот и вся их девальвация!..

О, это теперь надолго завелись!

И Юрий Михайлович, пользуясь моментом, быстренько двинулся от скамейки. Никто на него и внимания не обратил, кроме, разумеется, Веры Яковлевны, проводившей его долгим взглядом.

Проходя по пустому скверику, Юрий Михайлович вспомнил, как вчера здесь на ска-

меечке приходил в себя во время Сашиних похорон.

На вынос гроба народу стеклось неслыханно много; наверное, весь их рабочий квартал пришёл. Траурная процессия, запрудив всю проезжую часть, помаленьку колыхалась, двигаясь под живой приглушённый ропот. Женщины плакали не во весь голос, а так, будто их мучительно давил кто-то.

Мертвенно белое, почти детское лицо покойного среди кроваво-красного отсвета свежих роз попеременно с гвоздиками выглядело как-то неестественно и вызывало невыносимую душевную боль.

Сплотившиеся фигуры угрюмых мужчин и заплаканных женщин изливали такую скорбящую тоску, что не хватало дыхания.

Сдерживая слезы, Юрий Михайлович с трудом выбрался из теснины плотно сбившихся человеческих тел, завернул в скверик, сел на первую попавшуюся скамейку и стал думать о войне, убившей его совсем юного соседа. И о себе думал: сам-то он кто? Клоп вонючий, которого не жалко раздавить, или человек с рабочей совестью и честью?

Пройдена большая часть жизни, а у него ни детей, ни плетей. Что он такого совершил, чтобы оставить память по себе? Не Саше Наумову, это ему надо было быть на передовой. Совсем не по-мужски, не по-человечески в столь трудный час отсиживаться за спинами молодых наиболее отважных сынов своих.

И он, желая приглушить в себе жгуче разрастающуюся неловкость души, стал думать

об Украине, о безумных переменах в ней, об этих её трескучих майданах с дикими плясками, с воплями сатанинской очумелости: «Москаляку на гиялку!», «Кто не скачет, тот москаль!»

Откуда, с чего там этот смердящий дух палачества? Это до какого же каления ненависти надо довести себя, чтобы целый Дом профсоюза сжечь вместе с гражданами собственной страны? Что это такое, как не самая последняя стадия фашистского озверения! Да это же новая Хатынь!..

Когда, как, с какого дурного поветрия чёрный морок зла обрушился на добрый украинский народ?.. Он же помнит совсем другую Украину. Не такой запечатлелась она в его сердце, когда в составе заводской молодёжной делегации во главе с их комсомольским секретарём Артуром Даниленко они ездили туда по обмену опытом. Тогда в городах и сёлах их встречали добрые, радушные люди, и во всей широте народной жизни пред ними предстал праздник дружбы и великого украинского гостеприимства.

Теперь-то куда всё это делось? Когда, какими мёртвыми ветрами всё это выдуло? Сердце кровью обливается, когда видишь безумно хлопча, скачущего по брусчатке с безумно вытаращенными глазами. Вот сейчас он в своём неистовом изнеможении рухнет на мостовую, забьётся в страшных конвульсиях и пустит изо рта белую бешеную пену. Кто довёл его до такого исступления, накачав звериной ненавистью ко всему русскому?

И опять в памяти вставала та Украина, которую видел собственными глазами. Её дороги, прямые и гладкие, как штык. Таких не было в их российском Заволжье. А далеко-далеко, за светло взблеснувшей рекой, туманная череда седых курганов медленно уплывает в небо... Разве такое забудешь?..

До сих пор он бережно хранит советскую десятикопеечную монетку с дыркой, пробитой лучиком лазера. Эту дырку на фабрике по обработке искусственных алмазов ему на память пробила белолицая дивчина с тяжёлой, туго повитой косой, с глазами чистыми, как утренняя роса на луговом лазоревом цветке.

Она так запала ему в сердце, что и дома он думал о ней. И даже ловил себя на совершенно дикой мысли: а не повенчаться ли ему с этой чернобровой украинкой, если только она пожелает того?.. Думал и пугался взволновавших его чувств.

Вспоминая глаза той девушки, он вспомнил и украинские колодцы вдоль степных дорог с их хрустально чистой водой, с журавцами в виде ярко раскрашенных аистов.

По народным поверьям, аисты приносят в дом детей. А кого теперь несут в Украину эти добрые птицы? Заморские снаряды смерти?.. С чего это успел так помутиться добрый человеческий разум за столь короткое время?

В один из тогдашних дней они решили побывать на знаменитой Сорочинской ярмарке, по дороге в утреннем тумане сбились с пути и долго плутали где-то под воспетой Гоголем Диканькой. Это маленькое приключение раз-

веселило их, и они дружно посмеялись, уверяя друг друга, что это сама гоголевская нечистая сила водила их по кругу...

А кого ныне она водит в Украине? Какой чёрный паук вполз в её бескрайние просторы?..

И где теперь их бывший комсомольский вождь Артур Даниленко? Жив ли он? Догадывается ли, в какую страшную пучину зла и ненависти ввергли его «вильну няньку»? Если жив, то наверняка должен воевать. И уж никак не рядовым «сечевиком». Он же всегда чувствовал себя лидером по жизни...

И Юрия Михайловича внезапно уколола ошеломительная догадка: если ему случится воевать на Донбассе, очень даже возможно им с Артуром придётся стрелять друг в друга. «Ну и что ж, – уже совсем холодно рассудил он. – У войны двух правд не бывает. Права лишь та сторона, на которой сам стоишь».

С этой мыслью и дошёл он до кулинарии, открывшейся вместо угодившего под западные санкции «Макдональдса».

Внутри помещения было просторно, однако сумеречно от плотных на окнах штор. В нос ударили запахи лука, жареного на растительном масле, за раздачей звенела посуда и мелькала белёсая девушка с жёсткими прямыми волосами под поварским колпаком. Увидев Юрия Михайловича, она приветливо кивнула ему и сразу же подала привычные три беяша со стаканом горячего чая на подносе.

Встав за ближнюю круглую стойку, он принялся за завтрак. Есть, в общем-то, не хоте-

лось. Опять и опять думалось о гибели Саши Наумова, об этой вынужденной военной операции. О себе опять думал, злился на извортливо высказывающий вопрос: «А тебе-то какое дело? А ты-то при чём?»

В конце концов это достало его: «Нет, – решил он, – хватит волюнку тянуть! Настоящие мужики воюют».

Бросив на поднос недоеденный беяш, он выдернул из пластиковой подставки бумажную салфетку, тщательно вытер ею руки, скомкал, бросил в корзину и стремительно вышел из помещения.

На улице было все так же по-августовски солнечно, тепло и совсем мало прохожих, лишь разносчики пиццы изредка пролетали на самокатах. И всё вокруг было до скуки знакомо ему. На ближнем перекрёстке за изгибом трамвайного пути белая трансформаторная будка торчит, как торчала вчера. И скверик с обвислыми клёнами – всё тот же и будет таким во веки веков...

Ничему не удивившись, Юрий Михайлович минуту постоял и двинулся к прапорщику Перемогину. Только дома ли вот он, не ускокал на рыбалку? День-то тихий, сходный для ужения...

Этой своей рыбалкой прапорщик и его пытался увлечь, как когда-то увлёл отца. Только не привилось Юрию Михайловичу это занятие: сиди, как дурак, шлёпая на себе комаров в ожидании поклёвки и не зная, куда девать себя от скуки. Нет, ужение рыбы не для него.

«А ты природой наслаждайся», – советовал ему прапорщик.

С наслаждением природой тоже ничего не получалось. Какое наслаждение, когда поплавок торчит перед глазами?..

Выйдя из-за работы на вредном производстве на пенсию рано, стал дни коротать за телевизором, новости по десятку раз слушать, а ещё в скверике костяшками домино со стариками шлёпать. Тоже обрыдло.

Прилачился на велосипеде к отцу на могилу ездить, пенье унылых кладбищенских птах слушать. Грустно поют, похоже, самих тоска заедает... Тут и забрезжила в голове думка: воевать надо. А после вчерашних похорон прямо всё нутро зажгло, так захотелось на фронт. Вот и надо с Николаем Васильевичем перетереть этот вопрос...

Подходя к своему дому, он ещё издали увидел, что скамейка их подъезда пуста, значит, натешились беседою милые соседки, по своим углам расползлись.

И Юрий Михайлович зашагал бодрее.

В подъезде он остановился, шумно выдохнул, для чего-то плотнее заправил рубаху под пояс и по лестнице стал подниматься в квартиру Перемогина, уже с год, как тоже ставшего одиноким.

Оставила его Эллинка, сбежала. Этого и надо было ожидать. Вольная птичка из поповых тусовщиц – всё моталась, как лоскут на ветру. Он на рыбалку с ночёвкой, она нагладиться, накрасится и тоже на «рыбалку». Он всё переживал, как бы дурную болезнь себе не подхватила...

А теперь не за кого ему переживать. Пока рыбачил, его певунья подогнала такси, тихо,

мирно, без шума и пыли собрала вещички и переехала к руководителю местной вокально-эстрадной группы «Синий платочек» Рудольфу Синебоку.

Время нынче такое вольное; ни парткомов, ни профкомов – никто тебе не указ: надоело жить вместе, раз-два и разбежались! Судиться вот только стали чаще. Ещё и супружеская постель не успеет остыть, как, глядишь, уже судятся; бывшая благоверная капитал требует за свою безвозвратно порушенную невинность.

Перемогинская Эллиночка тоже собралась у прапорщика чего-то отсудить, возможно, даже квартиру. Ради такого случая её режиссёр кучу адвокатов нанял. И Юрий Михайлович, со стороны наблюдавший их имущественную тяжбу, сочувственно думал: «А что, могут и без угла Николая Васильевича оставить. Вот до какой гнилой чертовщины доводят эти женитьбы!..»

Он позвонил в дверь, и перед ним тотчас предстал сам Николай Васильевич в полосатом халате нараспашку, в пляжных шлёпанцах на голую ногу и с отвёрткой в руке. Значит опять что-то кому-то чинит.

Когда он переехал в их дом, жильцы быстро распознали в нём человека не только с абсолютным музыкальным слухом, но и мастера на все руки. С тех пор все рачительные хозяйки и стали нести к нему на ремонт мелкие бытовые приборы. На этот раз будильник кто-то приволок, он лежал рассыпанным на кухонном столе.

Помимо бытовой мелочёвки, Николай Васильевич ещё и к большим начальникам на дом с ремонтом выезжает. Их жены и дочери на фортепьяно постоянно бренчат, приводя в разлад свои инструменты. А прапорщик в армии как раз по этой части служил, был музыкальным настройщиком при армейском ансамбле, и на гражданке настройкой музыки стал кормиться.

Сам он музыкант от бога. Сердце заходит от восторга, когда Николай Васильевич, по настроению, со своим аккордеоном цвета переливчатого изумруда выходит во двор, садится на скамеечку и своей изумительной игрой улаживает публику.

Женщины в возрасте под его музыку начинают танцевать вальсы своей молодости «На сопках Манчжурии», «Дунайские волны». И делают это с такой тоскующей элегантностью, что сопливые девчушки, никогда не знавшие ничего этого, сбившись в стайку, начинали перебирать ногами и с завистливым смущением прыскать себе в ладоши.

И Юрия Михайловича безумно трогает его музыка. Всякий раз тоска по чему-то светлому и несбыточно высокому ложится ему на сердце. И начинает казаться, будто не только он сам, но и весь их уличный квартал наливается токами неизъяснимого очарования.

Не одни музыкальные способности прапорщика влекли к нему Юрия Михайловича. Было в Николае Васильевиче ещё что-то такое, чего не было в характере его отца – мужской решимости, что ли? И потому в минуты

каких-то особо трудных решений, он тащился к нему. Вот и теперь пришёл.

Хозяин, проведя гостя на кухню, кивком головы указал ему на свободный табурет, включил электрочайник и, сосредоточиваясь на работе с будильником, по-приятельски небрежно бросил:

– Ну и что, брат Юрий, нового в мире? Не слышно ли ещё архангельского трубного гласа?

И сухое гладкое лицо Николая Васильевича с обгоревшим на рыбалке носом просияло иронической улыбкой.

– Да то же самое, что и вчера было, – оседлавая табурет, тоном унылого безразличия ответил Юрий Михайлович.

Это у них такая манера, сойдясь, о скуке жизни небрежно говорить. А ещё хозяин любит в разговоре что-нибудь эдакое туманно-книжное подпустить. Впрочем, это так, вскользь, о пустяках, когда.

О вещах серьёзных прапорщик и говорил серьёзно, всякому сложному событию и факту находит своё простое и ясное объяснение. Это качество все мужики двора в нём отмечают.

А старуха Егоршина, повидавшая на своём веку немало самых языкастых лекторов из общества «Знание», как-то послушав Перемогина, очень даже умно о нём выразилась: «До чего головастый чёрт! Скажет, как мёдом намажет. Из пустой яичной скорлупы птенца выведет».

Юрию Михайловичу же особо запомнился

случай из первых дней их знакомства с Николаем Васильевичем. И было это на самом сломе большой страны, когда на улицах их города множество англоязычных вывесок появилось. Эта совсем непривычная для тогдашнего российского глаза картина не могла не насторожить наиболее сознательных горожан.

Дядя Володя Рекунков, большой, худой, уса-тый молотобоец из кузнечного цеха, тоже обратил внимание на это возмутившее его новшество и язвил, чадя дешёвой папироской на подъездной лавочке с мужиками:

– А вы не заметили, как нас к чужой грамоте приучают? Похоже, собираются западному барину в холопство отдать...

И, возмущённо шлёпнув себя ладонями по коленям, добавил:

– Это прямо диво какое-то! Идёшь по родному городу, как по какому-нибудь капиталистическому Чикаго. Аж в глазах рябит от этого их инглиш!

Мужики благодушно посмеивались, потом стали говорить, что за перестройку, должно быть, всю родную азбуку растеряли, с того вот и перешли на чужую буквицу.

А Перемогин не стал смеяться, он в этих вывесках увидел, как сам выразился, признаки «ползучей оккупации».

И пояснил:

– Похоже, англосаксы всеми копытами вламываются в наш социально-общественный огород.

Мужики засомневались, заспорили; какая, мол, к черту оккупация? Какие англосаксы?

У нас своё чиновничество похлеще этих саксов будет. С жиру бесятся, вот и выдумывают что-то чужое для собственной улады. А на своё родное у них мозгов не хватает.

Тогда ни к чему определённомu в том разговоре так и не пришли, всё в словесной песоке ушло, а впоследствии, когда открылась теневая сторона той дивной поры, Юрий Михайлович так и ахнул: Перемогин-то прав оказался! Теперь-то ни для кого уже не секрет, в лихие годы в иные наши министерства це-рушников допoлна набилось – они и дёргали за реформаторские вожжи.

А тот спор на скамеечке с этих вывесок перекинулся на разговор о языке нашем. Он тоже запомнился Юрию Михайловичу, не мог не запомниться потому, как подумалось: взрослые, солидные вроде бы дяди, как бы не своим делом занимаются, о пустяках спорят. А вышло, как опять же показало время, совсем не о пустяках.

Вывел на разговор всё тот же дяди Володи Рекунков своим едким замечанием.

– Это что же, – заметил он, – у нас получается, как бы своих букв в алфавите не стало хватать, что мы в свои рогожи чужое пересыпаем?

И требовательно посмотрел на Перемогина.

Тот ответил не сразу.

– Не букв, мозгов не хватает! – качнувшись, всплил он. – Иные наши господа-товарищи до того перестроились, что отеческой язык презирали.

– Вот это верно: презирали! – радостно

подхватил дядя Володя. – А все с того, что много жаб стало, готовых чужому болоту квакать. В кузню бы их к нам, мать их перемать! Мы бы их не стали под пневмоническими молотами рихтовать, мы бы их в ручную перековку пустили.

– Э-э, – загудели мужики. – перековкой ко-рявых мозгов не справишь! Тут надо было с колыбельки начинать. А ныне они сами, кого хочешь, перекуют. Красной дорожкой перед Западом выстались.

Дядя Володя задумался, Перемогин тоже не это не стал отвечать, сразу на разговор о языке перешёл.

– Тут дело такое, мужики. Всё так или иначе нашего языка касается, – медленно начал он. – А это никакая не забава. Тут главное, надо помнить, что сокрушение всякого народа, с разорения его языка начинается

Толково, вразумительно говорил – нельзя было не послушать. С того и запомнилось легко. Особенно вот это.

– Язык для человека, –, сказал он, – это всё равно, что святоотеческая икона для праведника веры. Подмени ему эту икону чужим символом, и молитва будет уже чужому богу.

В школе Нина Ивановна так не говорила, как он тогда сказал.

Мужики молчали, кряхтя и думая, а дядя Володя Рекунков, заметил, бросив папироску:

– Конечно так, о чём ещё рассуждать? Без языка и колокол молчит.

К чему и с чего Николай Васильевич о языке тогда заговорил, Юрию Михайловичу лишь

потом понятно стало, когда за чтением словаря Даля однажды его застал.

Вот, оказывается, откуда всё у него – Даля почитывал!..

Сам тот разговор Юрию Михайловичу запомнился ещё, наверное, с того, что очень уж мудрёными мужицкие рассуждения ему показались. Да и как бы вроде не к месту они, да и не по чину.

Но вот теперь услышал, что русское слово (и не только слово) на Украине запретным стало, и подивился: а ведь получается и к месту, и по чину – и даже провидчески вышло.

Но тогда ни о чём таком Юрий Михайлович, разумеется, и думать не мог. Армейская служба, хотя и вытряхнула его из тесного школьного пиджака, а крепко на ноги поставить не успела. Ещё много мутных туманов бродило в его голове. И гражданское понимание настоящему вызреть не успело. Это уже потом, когда, по выражению покойного отца, он «в свой ум вошёл»; а сама жизнь покрутила, покатала его на своих жерновах, многое не только прояснилось, но и само собой на должное место встало. Завод обрёл в нём авторитетного специалиста, рабочий коллектив – достойного товарища. Его избрали в члены месткома, поручили совсем непростое общественное дело – распределение средств особо нуждающимся рабочим семьям через цеховую кассу взаимопомощи. А подобную ответственность не всякому доверят.

Он и сам к этой поре почувствовал, как бы в нём сдвинулось что-то: он стал строже к

себе, основательней в суждениях.

А вот его холостяцкое убеждение так и закончилось в нём. Для многих оно выглядели глупым чудачеством, редкостной ненормальностью, отклонением от общего порядка жизни. Ну как это можно, рассуждали иные критически настроенные умы, чтобы здоровый мужик до седых волос неженатым ходил? А вот так и можно, что у каждого своя жизнь, своя судьба и доля. Дядя Володя Рекунков однажды об этом так сказал: «На чужую жизнь не стоит с горы смотреть, голова закружится» ...

Смерть отца Юрий Михайлович принял по-мужски твёрдо, зная, что ничего вечного нет на земле, а чему быть, того не миновать. Тут он выглядел в некотором роде лермонтовским фаталистом, которого прочёл ещё в школе. Однако его фатальность была совсем не бездушной, поскольку всем существом своим почувствовал, не мог не почувствовать: как самая главная опора рухнула в его жизни, и на её месте образовалась бесприютная пустота.

Хоронили отца в первый день марта. Был снег, была грязь, была свежая могила среди глинистой, начинающей отходить земли. Была невыносимая тоска...

Вернувшись с похорон, он вдруг обнаружил, сколь неприятно унылой стала их квартира. Она и представилось ему самым настоящим склепом. Обжитым, просторным, опрятно прибранным, но все-таки склепом. Даже запахи по ней загуляли какие-то замогильные. Ясной головой он понимал, что всё это ерунда, глупость, игра воображения, но

они были, эти запахи, он наяву их чувствовал. Приходившие к нему люди не чувствовали, а он чувствовал.

Со временем, однако, и этот кладбищенский дух как бы испарился, выветрился и развеялся.

А вот дум прибавилось, больше их стало вить в его голове. Лежал бессонными ночами и думал, как бы совсем ни о чем. Думал, что его жизнь проходит далеко от Москвы в промышленном не самом бедном российском городе. Рядом добрые друзья, бесконечно хорошие люди, все работают на один общественный пирог, на одно общероссийское дело; надежды, радости и беды у всех одинаковы.

Но вот бухнул колокол тревоги, пришло время специальной военной операции, она и открыла глаза: оказывается, не везде и не всё так едино в государстве. Оказывается, наряду с большинством работающих с ним рядом друзей и знакомых, единых в своём державном напряжении, есть ещё бесконечно ничтожное меньшинство, гнилое и зыбкое, как загнившее болото.

Это болото, почуяв тревогу, ожило, вспучилось, всполошилось на глазах всей страны. Из его гнилых трясин выскочили испуганные существа и подобием стаи зачумлённых тараканов бросились бежать: одни – в офшорные крысиные норы, другие полезли в закордонную клоповую щель.

Юрий Михайлович кинулся к Перемогину: как это понимать, что за люди? Чьи они будут и для чего они у нас?..

Эллина тогда ещё жила с Николаем Васильевичем. Встретив Юрия Михайловича, она оставила их с мужем, сама отправилась к себе макияж наводить.

Как только они остались вдвоём, Каравейников сразу и дёрнулся с вопросом: что происходит, как всё понимать? Перемогин был не менее его возбуждён и сам набросился на гостя: «Так и понимай, если мозги есть! Это метастазы девяностых. Ты что от них чего-то иного ждал? Мы же сами собственной грудью вскормили целую колонну чуждых нам по духу людей! И не только вскормили, но и на шею себе посадили, а многих ещё наградами и званиями осыпали! Побежали те, для кого Россия не Родина, а место их сытной жрачки. Это и есть «пятая колонна». Выпади подходящий случай, ради собственной утробы они тебе и нож в спину всадит. Забыл, как в девяностых, тыча пальцами в патриотов, эти люди истерично визжали: «Раздавите гадину!» И потом, когда «глупый» народ им, «умным», в своём доверии отказал, они же и прорычали на всю страну: «Россия, ты сдурела!» Плюнь на этих клопов и делай своё дело, как тебе твой человеческий и гражданский долг велит».

Ушёл от прапорщика совсем не успокоенным, лучше бы не ходил. А к кому ещё идти? Кто понятней и проще объяснит? Послушаешь телевизор, а там какой-нибудь усатый дядя умаслено мурлычет; ничего, мол, страшного, это всего лишь наши «релоканты» маленько испугались, с испуга в чужой стан сбежали.

Чьи это наши? Что за чушь? Что за оправдания? Это что же, народ наш по вековой своей глупости, считал и считает человека, бросившего Родину в её суровый час, перебежавшего чужой стан, за подлого предателя, лазутчика и врага? Нас и в школе этому учили. Неужто вековая народная мораль другою стала? Кто, когда, с чего её переменял? ...

На эти вопросы Юрий Михайлович у Перемогина искал ответы.

С тех пор, как Элина оставила прапорщика, они чаще стали встречаться для разговора. А нынче Юрий Михайлович и сам толком ещё не определился, с чем он пришёл к Перемогину: о своём намерении ли ему доложить, его совета ли испросить?..

Пока сидел, привыкая к яркому свету с улицы в раскрытое окно, да смотрел, как хозяин с будильником управляется, тот быстренько свинтил его, поставил на стол, звякнул колокольцем и бодренько спросил:

– Ну что, свет-Юрий Михайлович, какие у нас планы на сегодня?.. Может, на рыбалку с ночёвкой двинем? А что? – сразу загорелся он. – Погода, смотри, позволяет, ишь какой разыгрался денёк!

И потянулся к окну.

– Нет, Николай Васильевич, – глядя в его начинающий редеть затылок, твёрдо выдохнул Каравейников. – Я по другому случаю пришёл... я.... я.... воевать собрался.

И он виновато улыбнулся, ожидая ответа.

Перемогин, кажется, ничуть не удивился, повернулся к нему, побряхтел, бычась и бро-

сая на гостя изучающие взгляды, поморщился, похмурился и с иронией произнёс:

– Что, брат Юрий, аль тоска заела, али скучно стало? А ты для радости жизни любовный роман закрути. Или возьми, да и женись... ну... – он поискал вокруг глазами и выпалил, вскинув подбородок, – ну, скажем, на Вере Яковлевне! Она, кажется, не против будет. Давненько замечаю её интерес к твоей персоне.

Юрий Михайлович шмыгнул носом и нахмурился. Разговор о женитьбе, как всегда, ввёл его в неловкость.

Он помолчал и смущённо ответил:

– Это совсем не так, это у неё соседское... Да и не время ныне свадеб...

– Ну, это как сказать, – возразил Перемогин, задумчиво пощипывая свой гладкий, чисто выбритый подбородок.

Походив, помолчав, он спросил, смахнув озабоченность с лица:

– Нет, ты в самом деле собрался на контракт или это у тебя на сегодня бзик такой?

Каравейников посопел, повозился на табурете и принялся мямлить:

– Я и сам пока... Вот пришёл посоветоваться... Я же по сути белобилетник, и возраст, сам понимаешь. Вот и думаю, как тут обойтись....

– А тут и думать нечего, – не дал ему договорить хозяин. – Как решил, так действуй. И возраст твой, думаю, не помеха. Ты же у нас молодой пенсионер, так сказать, по вредности производства... Да и не в возрасте сейчас дело. Для армии главное – боевой дух, Юра!

Если надумал – бери ложку, бери бак, если нет их, беги так, как трубили у нас на сборах трубачи. А тебе пока не к полевой кухне надо бежать, а в военкомат! Для тебя сейчас это самое верное дело. Теперь все уважающие себя мужики на линию огня встают. Это мы с тобой прокисли.... Впрочем, я могу кое-что уточнить для тебя, – спохватился он, шлёпнув себя ладошкой по лбу. – Погоди-ка, брякну кое-кому. У меня же в военкомате знакомый. У него дочка очень музыкальная и к тому же, кажется, совсем не бесталанная...

С этими словами Перемогин поспешил в прихожую к телефону.

Юрий Михайлович остался ждать. Сидел, глядя в окно, и чувствовал, что в нём самом как будто начинает что-то меняться. Ещё ничего не произошло, но само ожидание неизвестно чего уже заставляло напрягаться. Он и дышать, кажется, стал чаще.

Электрочайник и зашуметь не успел, как появился Перемогин и сообщил, потирая руки:

– Ну вот и всё! Порядок, как говорится, в наших танковых частях, а ты кручинился. Зря ты это... У нас всё, как у Аннушки в огороде! Бери документы, запасайся справками от участкового врача и утречком дуй в военкомат. Там какой-то представитель из Донецка вроде бы подбирает команду под себя. Возможно, и тебя прихватит. Вот и двинешь в наши доблестные ратные ряды... Одним словом, завтра всё разъяснится. А пока давай пить чай... Тебе с лимоном?..

И рука хозяина доверительно легла на плечо Каравейникова.

Юрию Михайловичу не верилось, что так легко и просто может решиться вопрос, на который потрачена не одна бессонная ночь. Хотя, с чего он взял, что легко? Пока всё только ещё начинается.

От чая он собирался отказаться, но хозяин настоял. И пока они чаёвничали, Перемогин опять стал говорить о том, что у него руки чешутся взять автомат: «Надо же уроды, что делают, по детским садам палят!»

Вот уладит он свои судебные дела и тоже двинет добровольцем на Донбасс. А пока только и остаётся, по новостям следить за ходом военной операции, и ему досадно, что не видит особых продвижений, повсюду идут позиционные бои.

– Это нас с тобой там не хватает, – усмехнулся он, решительно отхлебнув из чайной чашки, и нахмурился, поджав губы. – Вчера, – вдруг мрачно вспомнил он, – против наших ребят были пущены пиндосские касетные заряды. Вот и нам, думаю, надо перестать миндальничать, тоже в ответ шугануть чем покруче. Воевать, так воевать! На войне кто решительней, за тем и победа.

Он опрокинул опроставшуюся чайную чашку и пристально посмотрел на Каравейникова.

– Как только развяжусь с этой судебной канителью, сразу же двину в добровольцы. Ничего тут засиживаться,

И глаза его хищно сощурились.

Отодвинув ногой табурет, Перемогин встал к окну, спиной к Юрию Михайловичу, и, не оборачиваясь, заговорил, как будто для себя:

– Понимаешь, Юра, наше нынешнее положение. На нас весь колониальный запад окрысился. И «пятая колонна» замерла в чутком ожидании.... И тут неизвестно, которое из двух зол опасней. Яблоко сжирает не тот червь, который извне, а тот, что изнутри точит... Только, думаю, хрен им в сумку! Пусть только попытаются замутить что-то – преда-телей, как клопов, передавим!

Сказав так, прапорщик отчаянно взмахнул рукой и принялся ходить по кухне, издавая шлёпанцами резиново хлопающие звуки. Юрию Михайловичу сделалось тревожно, и он посмотрел на раскрытое окно.

Перемогин тем временем шумно выдохнул, опять набрал полную грудь воздуха и продолжил с прежней горячностью:

– Ты же не слепой, сам видишь: у нас сейчас две России. Одна большая, державная, наша с тобой, за правое дело в окопах бьётся. Другая – тусовочная, ничтожно-гнилая, хапужно-наглая, развратно-хлыстовская, из-за чужой подворотни по-змеиному шипит и голую задницу нам показывает. Эти всегда готовы сдать нас с потрохами... И вся надежда здесь на самих себя, на нашу армию. А мы с тобой ныне и есть наша армия!

При этих словах Перемогин бросил на Юрия Михайловича взгляд такой обжигающей убедительности, что заставил и его расправить плечи и подобраться каждым мускулом.

По большому счету, ничего нового в словах Перемогина вроде бы и не было. То же самое на скамейке у подъезда мужики говорят. И

выражаются они ещё круче: скажут, как топором отрубят. Только в отличие от них, Николай Васильевич, пожалуй, более точен в своих словах и убеждениях. Слушаешь его и всем нутром чувствуешь, что свой он в доску, позиция у него прямая, правильная, сердцем пережитая. Он не финтит, не петляет, как иные, и не держит в кармане ни фигу, ни пяток заграничных паспортов. Здесь и слепому видно, что это настоящий патриот-государственник, подлинный сын своего Отечества, а не какая-то мошь перелётная...

Юрий Михайлович уходил от прапорщика в приподнятом настроении не только с полной убеждённости в правоте общего дела, но и с дружеским сочувствием Николаю Васильевичу. «Вот до чего доводят эти проклятые женитьбы, – растрогано думал он, тащась по жаре. – Шлёпай теперь по судам! А ведь могли бы вместе в добровольцы двинуть».

Теперь он знал, что начать ему надо с их бывшей заводской больницы, которая давно уже не заводская, к городу прилеплена и, конечно же, угодливо под Европу приглажена – муниципальной называется.

А вот она и сама, эта самая «му-ни-ци-паль-ная», – попытался вывернуть он язык, – низенькое, голубенькое здание, между двух панельных многоэтажек втиснутое.

Хождение по медицинским учреждениям, для него, рабочего человека, было самым настоящим мучением. Очереди на приём врачу, на сдачу крови, на рентген, на кардиограмму и прочая, прочая... Надо иметь большое

терпение, чтоб всё это вынести. Хорошо, если в одном месте весь этот комплект процедур, не то в общественном транспорте ещё намотаешься из одного конца города в другой. Юрию Михайловичу порой думалось, что легче две смены кряду у плавильной печи отстоять, чем весь этот круг медицинских обследований выдержать.

Но сегодняшний случай особый, он и оказался не таким, каким Юрий Михайлович представлял его себе. В больнице, узнав, куда и зачем он собрался, медики сами кинулись ему помогать: организовали рентген, УЗИ, быстро провели лабораторные анализы, подготовили соответствующие бумаги. Полдня не прошло, как всё было готово – ать, два – давай служи, солдат, своей державе!

Сам заведующий клиникой, молодой, ладно скроенный мужчина в роговых очках с радужными переливами овальных линз, в безукоризненно отглаженном халате, на прощанье и руку ему пожал, и доброго возвращения пожелал.

А на Каравейникова нашло состояние какой-то необъяснимой тревоги; ему представилось, будто бы отгорающий над городом день, смыкаясь с медленно натекающей ночью, полон отдалённых грозových раскатов.

Это с переутомления, должно быть, в действительности же ничего такого не было.

Он и вправду порядком накрутился и нашлапался, потому и ужин не стал готовить, обошёл бутылкой ряженки с багетом вприкуску. Зато и уснул быстро, и ночь проспал

без тревожных сновидений, и утром был свеж и чист, как стёклышко.

На входе в военкомат, представляющий собой старенькое, советских времён бревенчатое помещение с узкими барачного типа окнами, его встретила молодая полнощёкая волонтерка во всем зелёном, с красной повязкой на рукаве. Она и свела Юрия Михайловича с человеком, прибывшем из Донецка. Он представился майором Нуралиевым.

Это был невысокий, плотный мужчина с обветренным скуластым лицом в пятнистой камуфляжной куртке с зелёными звёздочками на таких же защитного цвета, тряпичных погонах. Майор с удовлетворением оглядел сухую, костистую фигуру Юрия Михайловича, пробежал быстрыми глазами его бумаги, подробно расспросил о профессии, о семейном положении. Удивился, что не женат, но развивать эту тему не стал.

А когда узнал, что перед ним потомственный слесарь шестого разряда, к тому же ещё и медник, прошедший годы на пайке микросхем для автопрома, от радости едва руками не всплеснул.

– Да вы же бесценный для армии человек! – воскликнул он, показав безукоризненный ряд крепких белых зубов под черными, щегольски подбритыми усами.

С этой минуты он уже не отпустил от себя Каравейникова, пока они не покончили со всеми бумажными формальностями.

За это время и Юрий Михайлович успел кое-что провести и о самом майоре: узнал,

например, что он из заволжских татар, на гражданке был инженером связи, на Донбасе уже год, как воюет. А собирает Нуралиев под себя команду специалистов, способных в фронтовых условиях вести ремонт, сборку, настройку повреждённых летательных аппаратов. А если коротко и просто – приводить их в боевое состояние.

Со своим заводским опытом медника и слесаря высшей квалификации Юрий Михайлович действительно оказался бесценной находкой для собираемой Нуралиевым дружины.

В присутствии Каравейникова к майору записались ещё трое, все молодые. Один, высокий, бледный с длинными пушистыми волосами, собранными в пучок под резинку, назвался корректором, ещё двое – линейные монтеры городской сети, крепкие ребята.

Корректору майор тоже обрадовался:

– О! Корректировщики тоже очень нужны!

– Корректор я, – уточнил молодой парень. – Ошибки в книжках исправляю.

– Чего? – не понял майор. – Какие книжки? – и некоторое время смотрел на парня как на жизненное недоразумение, потом вздохнул: чего, мол, не бывает, но тут же строго предупредил: – Немедленно подстригитесь, не то в проводах запутаетесь.

Пока в ожидании дальнейших распоряжений, Каравейников сидел на рассохшемся решетчатом диванчике полутёмной приёмной с ободранными стенами, пахнущими извёсткой давней побелки, он всё думал о том,

как придётся ему там, на фронте, и эти думы легонько волновали его.

Беспрестанно хлопала входная дверь, люди приходили и уходили, волонтёрка долго скандалила с пьяным мужем, не впуская его в помещение. Мужик бестолковился, не желая уходить, и всё бормотал:

– Я на контракт... я одной метлой разгоню всех этих хохлов...

– Иди, иди, проспись, разгоняльщик, – вытаскивая его, беззлобно говорила волонтёрка.

У Юрия Михайловича даже в ушах стало слегка звенеть от людской колготы.

Пьяного мужика наконец выпроводили, в приёмной стихло, и звон в ушах пропал.

К этому времени в помещение ввалилась небольшая группа новобранцев во главе с сержантом. Следом нацелилось войти несколько ярко нарумяненных девиц, но волонтёрка грудью встала на их пути. Посмеивающиеся новобранцы весело поглядывали на рвущихся к ним подруг и смущённо толкались. Строгий сержант тихонько цыкнул на них, и они успокоились.

Глядя на молодые лица ребят, Каравейников вспомнил, как сам когда-то был новобранцем, у них тоже был строгий сержант, гонявший их по плацу. И его тронуло тихое торжество горделивой радости за себя, за то, что собрался воевать, и он впервые за много лет пожалел, что рядом с ним нет женщины, которая гордилась бы им и переживала бы за него.

Из десятка мужиков, за это время побывавших на собеседовании у майора, ещё лишь

четверо были им оставлены. И Юрия Михайловича порадовала мысль, что он со своей квалификацией оказался в числе самых востребованных.

Когда Нуралиев наконец освободился и вышел из комнаты, представлявшей собой узкую клетушку с двухтумбовым письменным столом против единственного подслеповатого окна, сержанта с его стриженными новобранцами в помещении уже не было, остались лишь они, добровольцы майоровой команды. Нуралиев ещё раз перепроверил свои списки и распустил всех по домам, отведя им меньше полутора суток на сборы. К назначенному часу вся команда должна быть на транспортной площадке военкомата, откуда, по словам майора, весь личный состав будет переправлен на ближайший военный аэродром, затем самолёт транспортной авиации доставит их непосредственно к месту дислокации.

Подобной скоропалительности Юрий Михайлович не ожидал и немного растерялся. В тревожном замешательстве по мобильнику позвонил Перемогину. Тот не понял его тревоги и сухо заметил:

– А ты как хотел? Ты думал, с тобой телиться там будут. Это же армия, Юра. Там некогда разводить туры на колёсах...

Разговором с Перемогиним, как и сроками, отведёнными на сборы, Юрий Михайлович остался недоволен. Но делать нечего, назвался груздем – полезай в кузов; у новой жизни и порядки новые. Оставалась лишь поторопиться с устройством своих дел. А их тоже

набегает. Это только так говорится: будто голому собраться, лишь подпоясаться. А Юрию Михайловичу надо с квартирой всё вопросы уладить; с платежами, с коммунальным обслуживанием разобраться.

А так он хоть сейчас готов к походу, минутное дело рюкзак собрать. Да он у него, можно сказать, собран. Забрасывай его за плечи и двигай в боевые порядки.

Пока, решая бытовые вопросы, бегал по коммунальным конторам управляющей кампании, уже и вечер подкатил.

По дороге к дому встретился с дядей Володи Рекунковым из бывшего кузнечного цеха; всё такой же большой и уса́тый, но уже заметно одряхлевший, словно дубовый кряж, подточенный древесными жучками.

– Ну как, собрался? – спросил он, поздоровавшись.

– Куда?

– Как это куда? – удивился дядя Володя. – Прапорщик давеча у подъезда сказывал, будто на фронт отбываешь.

И без передыха с досадной горечью :

– Я тоже бы махнул с тобой, Юра, да, видно, отпрыгался. Дышать тяжело стало: все лёгкие, должно, кузнечным жаром выжег.

Пришлось признаться дяде Володе, что да, пока собрался, а дальше, как получится.

– Это правильно, – сказал дядя Володя, подавая руку. – Ну, воюй там исправно, не поминай нас лихом.

Ещё двое знакомых встретились, тоже спросили:

– Это как же ты решился?
– Дурное дело – не хитрое, – пошутил. – Вот так и решился.

– А не страшно?
– Волков бояться, в лес не ходить.

Засмеялись:

– Ну ты всё равно молоток!

Оно по правде сказать, ему не было страшно, иными моментами он даже немного гордился собой, представляя себя героем. Ну, может, не совсем героем, а вот человеком, способным на решительные поступки, это точно.

Из третьего подъезда женщина повстречалась, тоже удостоверилась, что собрался воевать. И Юрий Михайлович легонько подсадовал на Перемогина: чего народ взбаламутил, зачем известил? Хотел по-тихому смотреться...

Перед тем, как начать смеркаться, прибежала Вера Яковлевна с вытаращенными глазами.

Такой растерянной он её ещё не видел, встала в прихожей, растопылив руки, голова взлохмачена, губы дрожат, глаза бегают. Не поздоровавшись, крикнула:

– Это правда!?

– Что правда? – притворился непонимающим.

Она пыталась что-то произнести, но долго не могла – губы свело в подобие какой-то детской свистульки.

– Ты... ты что, не мог посоветоваться? – наконец отчаянно вырвалось из неё, и она ле-

гонько заплакала.

Он даже растерялся, не зная, как себя вести, что ответить, и удивлённо хлопал глазами.

Она долго хлюпнула носом, платочком, скомканным в кулаке, вытирая слезы, наконец, посмотрев на него, воскликнула с то-скливым отчаянием:

– Юра, нельзя же так!.. Мы же с тобой с детства знаем друг друга... мы же... как родные. Ближе-то у нас и нет никого!

И столько горького отчаяния было в её словах, столько нежности, столько страдательной тоски и ласки, что и его зацепило за сердце. Он испугался этого набежавшего на него чувства и потихоньку стал пятиться в глубину комнаты. И пятился до тех пор, пока икрами ног не упёрся в диван. И бухнулся в него всей тяжестью своего тела так, что простонали пружины.

И уже с дивана непонимающе всё смотрел на Веру Яковлевну, испуганно думая: чего ей от него надо, для чего она всё это говорит? Какое ей дело, куда он собрался?..

В то же время в груди тихонько и сладенько щемило.

Отчего и почему? Этого он не понимал. И думал о том, что они и правда, давно друг друга знают. Он ещё с девичьих лет помнит её в беленьком платице с горошком, тонкой, весёлой и бойкой на язык. В невесты же ему её прочили.

Помнит и мужа её Андрея и знает, с чего ушёл от неё.

Об этом и в цехе у них знали, и весь подъезд их дома тогда говорил: смалодушничала-де наша Верочка во время родов. Про мужа нехорошо говорила. Всё кричала дурочка: «Да сдохни он, чтоб я ещё легла с ним в постель! Да пропади он пропадом!..»

Роженницы палаты шикали на неё, пытаюсь успокоить. Говорили: «Что ты, глупая, делаешь?» Советовали: стисни зубы и перетерпи.

Не помогли ни их советы, ни уговоры. После того, как разрешилась, всё родильное отделение презирать её стало.

Верины проклятья дошли и до Андрея: народ-то у нас добрый, зря молчать не станет.

Терпел он Верочку, пока ребёнок был жив. А как дитя не стало, ушёл к крановщице башенного крана.

Тут Верочка и опомнилась, локти стала кусать, по парткомам, по завкомам бегать, требуя вернуть ей мужа. Ничто не помогло. Андрей скоро уволился с завода и вместе с новой подругой махнул в Сибирь от скандалов подальше.

И осталась Верочка одна свою жизнь куковать. Не дурнушка, не тупица, а никто из мужиков так больше и не посватался к ней.

Юрий Михайлович втайне жалел соседку. Не со зла же она кляла своего Андрея. Молодая была, без бабьего опыта, родовых мук испугалась, тем и навела на себя беду.

Так вот и живёт с молодых лет в одиночку. Но одной и соломинке, говорят, в поле тошно. Народ не слепой, видит: положила она глаз на

Юрия Михайловича. Да и сама не скрывает этого. Иной раз при встрече бросит как бы в шутку: «И что ты, Юра, за мужик такой? Никаких тёплых излучений от тебя. Ледяной, как замёрзший мартен».

Поведёт конфузливо плечом и засмеётся фальшиво.

Он боится её доброго отношения к себе, своей слабости боится. Разрушить весь строй прежней жизни легко, в вот возможно ли новую, лучшую жизнь создать?..

Он и сейчас жалеет Веру Яковлевну, зная, что расстроилась, с переживаниями к нему прибежала. Утешить бы, сказать что-то ласковое, милое, нежное, но он боится и не умеет сказать ничего такого: никому ещё не говорил. Разве, что в мыслях иной раз, а наяву никогда этого не было.

Вот и молчит, уставив глаза в одну точку, словно насторожившийся сыч. И она не найдёт, что сказать ему. Вот и молчат оба, как на похоронах.

Она первой нашлась, осторожно спросила:

– Когда отбываешь?

– Завтра с утра.

Сказал и опять замолк. Она переступила с ноги на ногу и с шумным вздохом произнесла:

– Я провожу тебя, а то чего же ты один...

– Хорошо, – поспешно согласился он и поднялся, чтобы проводить её.

Оставшись один, сразу ощутил, что и прежде много раз ощущал, оставаясь наедине с самим собой: звенящую пустоту одиночества, выползающую из всех щелей.

Разбирая постель, решил, что бессонной, наверное, будет ночь. С тех пор, как надумал пойти в добровольцы, беспокойно стал спать. Батальные сны навязчивыми стали, а ещё порой эти сладковатые замогильные запахи откуда появлялись.

А накануне похорон Саши Наумова, он ему приснился. Живой, весёлый, встретился на лестничной площадке, поздоровался, спросил: «Ну, что, сготовился, дядя Юра? Вот и отлично! Там классные мужики, вам нескучно с ними будет!»

Сказал так и пропал, будто в воздухе растворился.

Проснувшись, долго думал, к чему бы это? Наверное, к тому, что с решением своим долго не мог определиться. А теперь вот определился, больше ни о чем ему думать...

И всё равно ночь была беспокойной. Томила ужасная городская духота среди мерцающей жёлтыми фонарями ночи. Она и подняла его, как только стало светать.

Из постели кинулся сразу под душ, затем сготовил омлет и окончательно стал укладываться в дорогу. Когда Вера Яковлевна зашла за ним, он был полностью собран, стоял рюкзаком в ногах.

У Веры Яковлевны влажно блестели глаза и слегка порозовели крылышки её слегка вздёрнутого носика.

Они сдержанно поздоровались и молча вышли. Он закрыл квартиру, подержал ключ в руке, хотел сунуть его в карман рюкзака, но посмотрел на Веру Яковлевну и протянул ей.

– Держи, соседка! – произнёс с развязно-небрежной нарочитостью. – Потерять могу, у тебя – надёжней...

– Надеюсь, не от сердца? – попыталась она сострить.

Он не нашёлся, что ответить, поднял рюкзак и первым зашагал по маршу лестницы.

Обоим было непривычно, за все годы их жизни в этом доме им как-то не доводилось спускаться по лестнице вдвоём. Он держался первым, она, стуча туфельками, лёгкой козочкой скакала следом.

При выходе из дома их встретила добрая половина их подъезда, в основном женщины – все вышли проводить. Юрий Михайлович и оглянуться не успел, как оказался в объятиях Перемогина.

– Как, брат, готов послужить народу и отечеству? – говорил прапорщик, тиская Юрия Михайловича и весело поглядывая на обступивших их женщин. – Вот соседи решили добрые напутствия тебе дать.

– Да, да, проводить честь по чести, как это и всегда бывало, – летело со всех сторон. – Береги себя, Юра! Целым и невредимым давай возвращайся! Будем ждать тебя.

– И молодушку тебе приготовим! – засмеялся кто-то сзади.

– У него вон молодушка! – возмущённо сказала старуха Егоршина, указывая клюкой на Веру Яковлевну

Юрий Михайлович вертел головой, растроганно улыбался, чувствуя сухое першение в гортани и предательскую влагу в глазах.

Стуча костылём, перед ним предстала Егоршина, седая, с трясущейся головой, подала пакет с чем-то мягким и тёплым.

– Вот возьми с собой, – сказала она, хрипло дыша. – Пирожков в дорогу напекла с ливером. Отец твой покойный любил... Прежде-то, бывало, наши матери и бабки подорожники своим мужикам в дорогу пекли. А теперь не пекут, теперь всё покупное. А я вот пирожков напекла.

– Да вы чего выдумали, Екатерина Ивановна?! – пятясь от старухи, взмолился Юрий Михайлович. – Зачем хлопоты себе нашла?.. Зря всё это. Голодными нас не оставят...

Старушка даже растерялась, не зная, что делать с пакетом, а женщины вразнобой закричали:

– Бери, бери, Юра, это что ещё за церемонии?! Не обижай человека. Для тебя старалась... Дорогой и перекусишь за милую душу. Нас вспомнишь, людей наших, тех, которых с нами нет, добрым словом помянёшь.

Пришлось взять. Вера Яковлевна помогла уложить пирожки в рюкзак.

Прощаясь с соседями, Юрий Михайлович снял с головы бейсболку, прижал руку к сердцу, легонько поклонился в одну, в другую сторону и, дрожа голосом, взволновано произнёс:

– Спасибо, дорогие соседи, спасибо! Простите, если что не так. Прощайте, до скорой встречи с вами!

Острое щемленье сдавило его сердце, а голос будто одеревенел.

Вера Яковлевна сразу же взяла его под руку. Они ещё и на тротуар ступить не успели, как Перемогин бросил Юрию Михайловичу:

– Готовь там снайперское гнездо для меня!.. И, прижав обе руки к груди, крикнул во весь голос:

– Пусть, Юра, солнце победы осияет твою дорогу! С нами Бог и Россия!

Хотел, кажется, подурачиться, в шутку всё это сказать, а вышло торжественно и всерьёз.

Юрий Михайлович остановился, вскинул крепко сжатый кулак и потряс им в воздухе. Женщины переглянулись и захлопали в ладоши...

Две остановки до военкомата можно было проехать трамваем, но Вера Яковлевна настояла идти пеш. Он впервые шёл с женщиной под руку, это было для него хотя и непривычно, но оказалось совсем не в тягость. Даже невеста откуда появившаяся молодая лёгкость наполняла его тело.

Они так много знали друг о друге, что не находили, о чем им говорить, и оба молчали.

На асфальтированном квадрате транспортной площадки военкомата их поджидал армейский фургон с брезентовым верхом, за баранкой сидел водитель в солдатской форме. Близ грузовика толпилось десятка полтора добровольцев в окружении родственников, в основном, женщин пожилого возраста. Были и две девицы в белых ветровках. Они порхали, словно две бабочки-белянки, вылетевшие на первую весеннюю прогулку.

Уже знакомые Юрию Михайловичу парни-монтёры жадно курили в окружении своих

весёлых девиц. Был здесь и вчерашний длинноволосый корректор, теперь уже коротко подстриженный. Ему, видимо, не доставало его привычной причёски, и он поминутно подносил руку к облысевшей голове.

Юрий Михайлович со спутницей, подойдя к народу, поздоровались и тоже стали ждать, бросая взгляды в небо, чистое, как промытое стекло.

Из провожающих никто не плакал. Лишь маленькая согнутая старушка, держась за руку здорового дядьки с серым измятым лицом, поминутно вытирала слезящиеся глаза.

Юрий Михайлович по опыту знал, что нет ничего нудней и томительней ожиданий, особенно последних минут, когда обо всём уже переговорено, все слова сказаны, остаётся только томиться и ждать.

Вера Яковлевна стояла подле него, держа в руках дамскую сумочку, и грустно смотрела ему под ноги. И он смотрел вниз, на её туфли-лодочки, и думал о чем-то необязательном и далёком.

Но вот из помещения вышел их майор всё в той же пятнистой полевой форме с брезентовой сумкой на поясе. Провожающие зашевелились при его появлении и стали нетерпеливо прощаться с отъезжающими. Девушки радостно повисли на своих парнях и заболтали в воздухе красными кедами, словно две взлетевшие гусыни вытянутыми лапками.

Майор остановился против фургона, обещал взглядом собравшихся, достал из боко-

вого кармана бумагу и стал зачитывать. Чью фамилию называл, того сразу отправлял на посадку.

Когда выкрикнул: «Доброволец Каравейников!», Юрий Михайлович вздрогнул, подобрался весь и взглянул на Веру Яковлевну. Она обхватила его широко раскинутыми руками, крепко прижалась к нему грудью, вцепилась горячими губами в его пересохшие губы и не отпустила их до тех пор, пока он не задохнулся. Как только она освободила его из своего объятия, он, испытывав лёгкую шаткость в ногах, слепо шатнулся и неуверенно шагнул к фургону.

Майор тем временем закончил переключку, взглянул на часы и, запрыгивая в кабину, коротко скомандовал:

– Трогаем!

Мотор неровно чихнул, зафыркал и тут же взял ровный рабочий тон. Фургон, покачиваясь, выполз на дорогу и стремительно покати́л навстречу солнцу, поднимавшемуся над серыми крышами кирпичных пятиэтажек.

Юрий Михайлович всё ещё находился под впечатлением поцелуя Веры Яковлевны и кончиком языка трогал припухшие губы. Только теперь он узнал, сколь горяч и сладок бывает настоящий женский поцелуй.

Он всё ещё представлял Веру Яковлевну с заплаканными глазами, и думал, что она, наверное, будет ждать его. И ему надо обязательно вернуться...

АЛЕКСАНДР КАРЯКИН

*Член Союза писателей России. Поэт,
прозаик.*

Зверобой

*Не важно, какой оттенок
нашей кожи или разрез глаз –
Для врагов мы все русские!*

Генерал Маргелов

Семёну Уткину оставалось несколько месяцев до демобилизации, когда президент России В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции. Не раздумывая, Семён решил заключить контракт для дальнейшего прохождения службы. Мотивацией для этого послужили сведения из СМИ о зверском уничтожении укронацистами русскоязычного населения на Донбассе и сожжения ими заживо людей в Одессе. В графе «военная специальность» Семён отметил – «снайпер», а в автобиографии написал, что он по национальности русский манси. Майор спецчасти, проверявший все анкеты и записи, обратил внимание на это и поинтересовался:

– Что за национальность такая – русский манси? Я что-то ни разу за всю жизнь людей такой национальности не встречал.

– Вы, товарищ майор, кто по национальности? – улыбнувшись, задал встречный вопрос Семён.

– Русский, – не задумываясь, ответил офицер.
– Вот вы просто русский, а я русский, но ещё и манси, – заключил Семён. Майор улыбнулся, но запись исправлять не стал. Сложив все заполненные анкеты в папку, держа в руках листок с автобиографией Семёна, он вновь обратился к нему с вопросом:

– Вы, товарищ старший матрос, написали, что Ваш прадедуська всю Великую Отечественную войну прослужил на Северном флоте, и Ваш, как Вы отметили, любимый дедушка, проходил срочную службу там же. А про отца никаких сведений не дали. Почему?

– Он не успел послужить. Его, молодого, на путике в тайге медведь – шатун поломал. Но отец у меня хоть и инвалид, а по дому и на реке управляет. А я за него послужу Родине и на море, и на суше. Я же морской пехотинец! – с весёлой ноткой в голосе подытожил Семён.

Майор улыбнулся и, перейдя на «ты», поинтересовался:

– Объясни мне, почему ты взял себе позывной «Зверобой»? Что, так сильно любишь произведение Фенимора Купера?

Помолчав, Семён ответил:

– Когда я жил и учился в интернате, несколько раз перечитывал его. Нравится, да! Но дело вот в чём...

И Семён постарался более доходчиво объяснить майору свой выбор.

– У нас дома, в тайге, зверя добывают, а бешеного бьют, убивают. Вот и я буду бить, и убивать бешеных двуногих зверей – нацистов с фашистской натурой.

Глянул майор на морского пехотинца и, сказав, что вопросов больше нет, пожал ему руку.

В зону проведения специальной военной операции Семён прибыл в составе бригады морской пехоты Тихоокеанского флота, где встретил свой двадцать первый год жизни.

В блиндаже разведроты было шумно и весело. Морпехи поздравляли старшего матроса Уткина Семёна с днём рождения. Виновник торжества сидел на пустом снаряжном ящике, за импровизированным столом из таких же ящиков принимая поздравления.

– Скажи мне, друг мой, братишка Сенька, – обратился к имениннику с ироничным вопросом командир отделения Николай с позывным «Чуваш», – что было бы, если б ты два года назад не вышел из своей тайги за спичками в посёлок?

Семён, не раздумывая и также иронично ответил:

– Как что? Я никогда в жизни не встретил бы тебя, – и, улыбнувшись, добавил: Как хорошо, что тогда в избе закончились спички.

– Я хотел затопить печь, а спичек нет, – продолжал весело Семён. – Вышел в посёлок, а там военком вручил мне повестку. Я от радости, чувствуя, что кто-то ждёт меня у Тихого океана, за два перехода долетел на лыжах до места, где и встретил тебя.

Бойцы, слушая этот шутейный диалог, дружно хохотали. Николай тоже посмеялся и, выдержав паузу, сказал:

– Это тебе от нас.

Он вручил Семёну шеврон, на котором крупными буквами было написано «ЗВЕРОБОЙ» и был изображён морской пехотинец на охотничьих лыжах с копьём в руках. Рядом с ним сидела охотничья собака лайка, и под ней красовалась надпись её клички – Амур.

Семён внимательно рассмотрел шеврон и, погладив то место, где была изображена лайка, прижал подарок к сердцу со словами:

– Я тоже по тебе скучаю.

Потом, поблагодарив сослуживцев за внимание, весело спросил своего друга:

– «Чуваш», как можно было так точно нарисовать мою собаку? Ты что дома у меня был? И мне ничего не сказал! Эх, ты! А ещё друг...

Николай принял шутку и весело, обстоятельно разъяснил:

– Нигде я не был. Вот ты у любого в роте спроси, какая у «Зверобоя» дома собака? И тебе любой боец назовёт её кличку, масть, расскажет родословную твоего Амура и даже то, что только у него из всех собак этой породы на левом ухе белое пятнышко.

«Чуваш» улыбался:

– Все бойцы ведут разговоры о доме, жёнах и невестах, а у тебя всё сводится к твоей собаке. Ты вон даже нашего ротного кота Амуром кличешь, хоть все остальные зовут его Васькой.

Дружным хохотом встретили морпехи шутку командира отделения.

Между тем в блиндаже появился командир роты. Старший не только по званию, но и по возрасту, прошедший за свою службу не

одну горячую точку. Пожав Семёну руку, потечески обняв, он сказал:

– Ты, Сенька, у наших разведчиков – глаза и уши. Да и снайпер непревзойдённый, за что тебе от нас почёт и уважение.

После этого ротный обратился уже к тем бойцам, которые в ночь уходили на задание:

– Вы мужики не вздумайте гусарить там, у хохлов, как в предыдущий раз. Если что – уходите на наши позиции. А сейчас пора собираться в рейд. Но ты можешь остаться сегодня в роте – предложил командир Семёну.

– Как так остаться? Я вроде бы ни в чём не провинился, – ответил он, – да и как без меня выйдет группа? Вы же сами сказали, что я у них глаза и уши.

И действительно, с Семёном разведчики всегда шли уверенно на выполнение любого задания. Он безошибочно ориентировался на местности ночью и различал происхождение любого звука. По запаху определял нахождение врага, объясняя это так: «Укропы пахнут страхом загнанного зверя». Стрелял Семён из любого положения без промаха, приговаривая при этом: «Вот хорошо! Прямо в глаз, как белке, чтобы бронник не портить...». Неоднократно в одиночку он прикрывал отход разведгруппы и всегда возвращался в расположение своей части невредимым.

Однажды Семёна не было сутки. Все думали что погиб или того хуже – попал в плен. Но он вернулся и ещё привёл пленного грузина, воевавшего на стороне ВСУ. Пленный выглядел жалко, ниже пояса был совершенно

голый. Ротный, посмотрел на него и спросил:
– Почему он в таком виде?

Семён без утайки рассказал всё, как было:

– Я возвращался домой по тропе «укропов». Так меньше риска напороться на их мину. Вижу, этот джигит собирается справлять нужду возле дерева. Я упёрся стволом винтовки ему в спину. И он справил её себе в штаны. По дороге к нам я попросил Вахтанга – так его зовут, – уточнил Семён – снять их и выкинуть, потому что тошнота от запаха из его штанов у меня подступала к горлу. Замерзнуть он не мог. Посмотрите, – и Семён, показав на ноги пленного, густо заросшие чёрными волосами, добавил, – на нём меха больше чем на звере...

Выполнив задание, разведгруппа возвращалась в расположение российских войск по территории, контролируемой ВСУ. На выходе из лесополосы разведчикам оставалось перейти поле, посередине которого был небольшой околос, за ним метрах в ста начинался сосновый лес.

Возглавлял группу старший сержант с позывным «Чуваш», а замыкал – старший матрос – «Зверобой». Когда разведчики подошли к околку, из леса им навстречу вышли вооружённые военные с синими повязками на рукавах.

«Чуваш» понял, что это нацисты и, крикнув «К бою!», открыл по ним огонь. Рассредоточившись и заняв боевые позиции, разведчи-

ки приняли бой. Семён расположился на небольшой возвышенности возле берёзы и бил из своей винтовки прицельно и наверняка, не давая врагам никаких шансов для атаки.

«Укропы», поняв, что с наскока и без больших потерь русских не одолеть, навели на них миномётную батарею. Мины ложились всё ближе и ближе к позиции Семёна, он решил поменять её. Но когда перебежал на новое место, осколки разорвавшейся мины выбили из рук винтовку, а заодно и опору из-под ног.

«Зверобой» лежал на земле и никак не мог понять, почему он не может подползти к своему оружию, лежавшему в нескольких метрах от него с расщеплённым осколком прикладом. К нему подбежал «Чуваш», подтащил товарища к ближайшему дереву, прислонил к стволу. Потом вколол раненому обезболивающее, наложил жгут на левую ногу выше колена, чтобы остановить кровотечение. Фламастером из аптечки написал на щеке Семёна время проведения процедур.

– Правая нога у тебя, слава Богу, цела – успокаивая друга, говорил Николай, – а на левой – колено перебито. Всё будет путём, ты ещё на своей свадьбе всех перепляшешь.

Улыбнувшись, Семён попросил:

– Колян, сними с меня броник. Он, что то для меня тяжеловат стал, – и предложил, – возьми из моего БК всё, что тебе может пригодиться для боя. Моя винтовка всё равно погибла.

– Нет, Сеня, броник с тебя я не сниму, – отвечал «Чуваш», – ещё бой идёт!

– Да ничего уже со мной не случится, вот и крестик на мне, – уговаривал Семён друга.

Николай бронежилет снимать с него не стал и ничего не взял из боекомплекта. Он лишь расстегнул боковые застёжки, чтобы Семёну легче было дышать.

Бой был в самом разгаре. «Чуваш» занял позицию недалеко от дерева, где находился его раненый друг и кричал ему:

– Братишка, не спи, не спи! К нам уже идёт подмога! Всё будет отлично! Мы ещё у тебя на свадьбе погуляем!

– Конечно, погуляем. Уедем в тайгу, в мою избу всей ротой. Там нам никто не помешает. И погуляем, и выспимся, – поддерживая беседу, отвечал Семён, понимая, что сон в данной ситуации для него может быть последним в жизни.

«Чуваш» бил по врагам короткими очередями, экономя патроны. Семён понимал это и сожалел, что ничем не может помочь другу. Со своего места он хорошо видел всю картину боя и то, как пуля вражеского снайпера пробила Николаю горло. «Чуваш» вскинулся, встал в полный рост, пытаясь ртом поймать воздух, но воздух вместе с пузырявшейся кровью с шипением выходил из раны. Сделав несколько шагов, Николай упал и, обняв землю, затих.

По внезапно наступившей тишине Семён понял, что из всей группы в живых остался только он и, уже не сопротивляясь атакующему сну, забылся...

Проснулся он от сильной боли, пронзившей тело. Открыл глаза и увидел, троих вооружённых военных, один из которых пинал его по раненой ноге.

– Ля, хлопцы, живой москоляка! – радостно закричал он, увидев, что Семён открыл глаза. В очередной раз, пнув его, спросил:

– И що с тобою нам робить, скотиняка ты русская?

Он надеялся услышать мольбу о пощаде. Но Семён молчал, преодолевая боль, не давая врагам повода для превосходства. Ожидая какого-то ответа, нацист продолжал молча пинать его по раненой ноге. И вдруг, разглядев на шевроне позывной Семёна – «Зверобой», заорал:

– Ты що, нас за зверей держишь?

И со словами «Та я тебе зараз на шматочки порижу», вынул из ножен тесак.

Семён с ненавистью смотрел на беснующихся врагов.

Морпехи, прорвавшись с боем на выручку разведчикам, попавшим в засаду, не успели помочь. Вся разведгруппа героически погибла в неравном бою. Изуродованное тело Семёна лежало у дерева. В ногах у него валялся труп нациста с тесаком в руке. Рядом сидели два раненых «укропа» и слёзно моля о пощаде на чистом русском языке, перебивая друг друга, твердили:

– Это не мы вашего убили. Он сам.

– Как сам? – строго спросил нацистов один из морпехов.

– Когда Гришка хотел порезать его на куски, – дрожащим голосом начал объяснять один из хохлов, при этом показывая на труп

«нацика» с тесаком в руке, – ваш боец выхватил из-под броника гранату. Крикнул: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг!..» и выдержнул чеку.

Подарок войны

*Нет ничего выше и сильнее,
и полезнее впредь для жизни,
как хорошее какое-нибудь воспоминание,
и особенно вынесенное из детства....
Если много набрать таких воспоминаний,
то спасён будет человек на всю жизнь...*

Ф.М. Достоевский

– Везёт тебе, Санёк, лимонада надуешься, – говорили мне друзья, когда я им сказал, что иду с отцом в лесозаводскую баню, потому что наша на ремонте.

Лесозаводская стояла на берегу озера, рядом с лесозаводом, отчего и получила своё название. Топилась она опилками – отходами этого предприятия, и потому весь год из её трубы валил чёрный дым. При ней были парикмахерская и буфет, в котором продавались лимонад, бутерброды, выпечка и на разлив бочковое пиво. Мылись здесь в основном жители бараков, которые работали на лесозаводе и не имели своих бань.

Банный дух обволакивал посетителей ещё в раздевалке запахом берёзовых веников и радостью предстоящей процедуры. Раздевшись и получив от банщицы и по совместительству

билетёрши тётки Дуси два таза, мы с отцом вошли в помывочную.

Из разговоров в посёлке я знал, что до тётки Дуси банщиком в мужском отделении работал мужчина. Уволили его как слабохарактерного и безответственного работника, потому что он спился, не имея силы воли отказать посетителей, и не выпить с ними «после баньки».

Тётя Дуся была полной противоположностью бывшему банщику. Фронтовичка с крепким, закалённым войной характером могла и тазиком приголубить, говорили мужики, за непристойное поведение.

– Серёжа, проходите сюда, – окликнул отца мужчина, мывшийся на лавке возле окна.

Мужчину этого я знал. Он был однополчанином моего отца и иногда заходил к нам в гости. Звали его Николаем, но я, обращаясь к нему, говорил, дядя Коля. Работал он начальником уголовного розыска.

– Что, своего бойца привёл попарить? – улыбаясь, спросил он.

– Да его хоть каждый день отмачивай, – ответил отец, – с друзьями из реки не вылазят, ловят щурогок.

– Пусть, пусть ловят, пусть учатся жизни.

Дядю Колю я всегда видел в милицмейской форме с майорскими звёздами на пагонах и в любую погоду – в чёрной перчатке на левой руке.

Мама говорила, что рука у него сохнет из-за перебитого на войне нерва. Сейчас дядя Коля был, как и все, без одежды, и я видел его пораненную руку. Она была вполонину тоньше

здоровой и какого-то жёлтого цвета, лишь в районе локтя синел глубокий шрам от раны.

Я глазел по сторонам и удивлялся тому, что почти у всех взрослых посетителей бани на телах были такие «отметины» разной формы. У отца я уже давно их все изучил. Разглядывая шрамы окружающих, я пытался определить, от какого вида ранения они произошли.

Мои наблюдения прервала мелодия незнакомой песни. Посмотрев в ту сторону, откуда она доносилась, я увидел лысого человека, на теле которого шрамов не было. Оно было сплошь покрыто синими наколками. Мужчина пел и в такт мелодии притопывал ногами.

– Чему радуешься, Калач? – обратился к поющему дядя Коля, называя его не по имени, а по кличке.

– Да вот, освободился и радуюсь.

– Надолго ли?

– Это от вас зависит.

– Всё зависит от тебя, – уже с какой-то строгостью в голосе сказал дядя Коля, – брось воровать, устройся на работу, женись, живи как все порядочные люди, и никто тебя тогда не закроет.

«Калач» улыбнулся, сверкнув золотым зубом:

– Хорошо, я подумаю. И снова запел, притопывая ногами.

Из парной, держа в руках швабру и ведро, вышла тётя Дуся.

– Всё, мужики, – сказала она, – я полон помыва. – Пар дали.

Посетители дружно, держа в руках веники, пошли в парную. Мы с отцом – тоже было, но

тётя Дуся, заглянув в помывочную, сообщила: « Там Кузьмич приехал, помогите ему».

Отец, отдав мне веник, пошёл в раздевалку, следом за ним – «Калач» и дядя Коля. Через некоторое время они внесли на руках мужчину, у которого не было обеих ног выше колен. Следом шёл дядя Коля и нёс в здоровой руке банные принадлежности нового посетителя. Дяденьку этого я неоднократно видел в городе. Он ездил на маленькой самодельной тележке, держа в руках деревянные колодки, которыми отталкивался от земли.

Полок в парной был трёхъярусный. Первый ярус мужики называли «для контуженных», второй – для начинающих, а третий – для ошпаренных, так как там была самая высокая температура.

Я занял место внизу рядом с отцом. Справа от меня сидел Кузьмич, и я, не скрывая любопытства, рассматривал культи его ног.

– Что, малыш, страшно? – спросил Кузьмич. В ответ я кивнул головой.

– Тебе сколько лет?

– Семь, осенью в школу пойду.

– Вот, не экономь пятаки, не цепляйся за автобусы, а ходи и езди в школу как положено, и тогда ножки твои будут всегда при тебе – поучал меня Кузьмич.

– И никогда не попадёшь в тюрьму, – внёс свою лепту в воспитательный процесс «Калач».

– Эй ты, воспитатель, – глянув на него, спросил Кузьмич, – как тебя зовут?

Улыбаясь и сверкая золотым зубом Калач ответил:

– Мама называет меня Лёней, а остальные кличут Калачом.

– Лёня, сынок, ты бы лучше посмотрел, что там у меня на спине выскочило, которую неделю мешает спать, – обращаясь к Калачу по имени, попросил Кузьмич.

Калач спустился на наш ярус и стал внимательно рассматривать его спину.

– Да у тебя здесь шишка, какая-то, навреде большого угря, – сообщил он.

– Ты бы попробовал её подавить, сынок. Может быть, прорвёт, пока я распарился.

– Сейчас сделаем всё в лучшем виде. У меня рука лёгкая, – заявил Калач.

– Конечно, лёгкая, – подхватил дядя Коля и, улыбаясь, добавил: – У всего города карманы огладил, и никто не почувствовал.

– Николай Николаевич, вы же видите, что я пытаюсь встать на путь исправления. Вот фронтовику хочу помочь, облегчить, так сказать, его страдания, а вы упрекаете меня моим позорным прошлым. Нехорошо как-то получается, – ответил Калач с наигранной обидой на обвинения.

С нескрываемым любопытством наблюдал я за всеми манипуляциями, проводимыми на спине Кузьмича, который сидел, наклонившись, положив свои руки на култышки ног. Калач большими пальцами рук давил на образовавшуюся шишку, приговаривая: « Терпи, терпи казак...»

– Да терплю я, терплю, – отвечал Кузьмич, – вот, вроде бы, что-то сдвинулось. Пошло. Дави, сынок, дави.

– Всё вышла, – сообщил Калач.
– Что вышло-то?
– Да какая-то колючая железка.
– Опять осколок! Да сколько же их в меня нафаршировала эта война? Столько лет прошло после неё, а осколки всё выходят, – возмущался Кузьмич.

Калач, перехватив мой любопытствующий взгляд, улыбнулся и, сказав «Держи, малёк, подарок войны», положил мне на ладонь почерневший кусочек железа величиной с бисеринку. Чтобы осколок не упал, я резко сжал ладонь, но, почувствовав неприятное болезненное покалывание, так же резко разжал её.

– Что, кусается? – улыбаясь, спросил меня Кузьмич. В ответ я только кивнул головой.

По дороге домой я спросил у отца: «Пап, а где Кузьмич потерял ноги?»

Помолчав, он ответил: «Мальчишкой ушёл на Великую Отечественную. Где-то под Ржевом война и отгрызла их ему. Будь она трижды проклята!»

Много лет прошло с того дня, когда я впервые посетил общественную баню. К сожалению, время жизни отмеряно не только людям, но и строениям. Лесозаводской бани давно нет. Нет на этом свете уже Кузьмича и моего отца, как и большинства искалеченных войной людей, которые своими поступками привили моему поколению чувство сострадания к ближнему и любовь к Родине.

Лауреаты

*Дети блокадного Ленинграда
и военного Куйбышева*

Всероссийский конкурс эссе

АЛЕКСЕЙ ЕЛАГИН

МБОУ Школа №132 г.о. Самара, 9 «А» класс

1 место

Дети и школа в годы Великой Отечественной войны

*«Народ, не знающий
своего прошлого,
не имеет будущего»
М.В. Ломоносов*

16 декабря 2023 года школе номер 132 города Самары исполнилось 120 лет, а её Музею – 50. Из маленькой мемориальной комнаты музей вырос в отдельный корпус. В нём хранится более двух с половиной тысяч уникальных документов.... <<Обычные бумажки и фотографии>> – может кто-то сказать... Но это не так. «Красные следопыты», поисковики и экскурсоводы музея, превратили сухие биографические справки в интереснейшую книгу о жизни и подвиге нескольких поколений выпускников школы. Особое место в их работе занимает Великая Отечественная война.

Прошло уже почти 80 лет со дня Победы, сменилось не одно поколение людей, все меньше и меньше остается очевидцев этого события, но память жива! И будет жить вечно в каждой семье, в каждом человеке!

Я только недавно присоединился к музей-

ным экскурсоводам и поисковикам, но сейчас помогаю составлять новую экспозицию. Я читаю материалы: записки, письма, запросы в архивы, информацию о поисковых экспедициях «Красных следопытов» – и передо мной оживает история.

В конце 1960-х годов в нашу школу неожиданно пришла первая пионерка школы – Тамара Михайловна Рубанистая. Уже не молодая, но необыкновенно увлечённая. Она создала свой первый поисковый отряд и начала работу по восстановлению истории пионерии. Но этим она и её следопыты не ограничились, а вслед за пионерией и комсомолом начали искать материал об участниках Великой Отечественной войны. Отряд нашёл сведения о 64 участниках войны, учениках нашей школы. В том числе о генерал-майоре, Герое Советского Союза Губанове Георгии Петровиче, имя которого носит наша школа.

В это же время в школе начали сбор материалов о летчице, Ольге Александровне Санфириковой. Недалеко от школы жили её крёстный и тётя. Они передали в школу личные вещи лётчицы, её лётную форму, фотографии, документы. Ребята установили связь с Марией Ивановной Рунт, Руфиной Гашевой, Степаном Шевцовым, очевидцем гибели Ольги.

В 1973 году школа отпраздновала свой 70-летний юбилей. И к этому событию было приурочено открытие музея истории школы.

8 декабря в дворец Пионеров под торжественные марши вошли 130 человек. Ведущими были «Красные следопыты».

Ну хорошо! Но всё это дело прошлого, скажете вы! Да и я, признаться, сказал так же. И тут на меня с улыбкой посмотрели девочки из 7-го класса, Алина и Василина, которые пришли к работе музея раньше меня. Одна из них, Василина, смеясь, задала мне самый неожиданный вопрос: «А как ты провёл лето?». Я начал вспоминать... А Алина показала мне толстую папку с разными, иногда очень сложно читаемыми, листочками. «Это воспоминания тех, кто учился в нашей школе во время войны. Мы за лето восстановили историю школы в 1941-1945 гг. по этим записям. И, знаешь, такое забывать нельзя!» – строго сказала Алина.

Вместе с девочками я перенёсся в далёкий и страшный 1941 год.

Город Куйбышев. Улица Арцыбушевская, дом 106. Довольно спокойная улица. Двухэтажная небольшая школа расположилась в красивом краснокирпичном строении. Школа уже стала средней. В 1939 году состоялся первый выпуск пятилетки.

20 июня 1941 года торжественно и весело был проведён выпускной вечер. Это уже третий десятилетний выпуск школы.

22 июня 1941 года началась война. На следующий день после объявления войны ушёл на фронт бывший директор школы Александр Михайлович Богомолов. И стали уходить выпускники 1939 года и более раннего периода... Уходили на фронт мальчики и девочки 1940 и 1941 года выпуска. Многие не вернулись...

Самое трудное время школа пережила с директорами Рахиль Давыдовной Гиленко (1940-1943 гг.) и Клёцкиным Ароном Абрамовичем (1943-1945 гг.).

Было важно, чтобы школу не закрыли, не отдали под эвакогоспиталь. Этому помогли высокое качество знаний, профессионализм учителей.

15 октября Куйбышев был объявлен столицей! А с 17 октября в школу пришли и первые эвакуированные дети из городов Воронежа, Гомеля, Клина, Москвы и... Ленинграда. В школе, едва рассчитанной на 400 человек, стало учиться более 800 учеников.

Учились в три смены, сидели по трое за партой на 2-х стульях... Не всем хватало ручек и чернил, писали старыми карандашами. Но учились и помогали Родине. Ученики школы ездили в подшефные колхозы, заготавливали дрова для школы, разводили кроликов, собирали тёплые вещи для бойцов, устраивали концерты для раненых. Все учащиеся и преподаватели объявили себя мобилизованными, никто не отказывался от работы. Секретарь комсомольской организации Владимир Шапоров вместе с преподавателем физики Борисом Фёдоровичем Кильдюшевским собирали трактор, на котором потом работали в колхозе в Большой Глушице. Все военные годы школа держала переходящее Красное знамя отдела народного образования управления Куйбышевской железной дороги.

Зимой в школе было холодно. Запрещалось много жечь дров! На одной из архивных фотографий дети закутаны в тёплые вещи.

Учащимся старались создать условия для культурного развития: организовывались посещения лучших спектаклей Большого театра, находившегося в это время в Куйбышеве. Учащиеся верили в победу, мечтали послужить своей Родине. Учителя делали всё, чтобы школа стала настоящим домом для детей. Интересны воспоминания ученицы Ирины Антюфеевой, эвакуированной из города Воронеж, об учителях Борисе Фёдоровиче Кильдюшевском и Ермакове Вениамине Павловиче. «На школьных вечерах в небольшом холодном зале, где страшно снять пальто и варежки, Вениамин Павлович пел для детей арии из оперы и романсы, а аккомпанировал ему Борис Фёдорович Кильдюшевский, который вскоре ушёл на фронт» (в 1942 году).

Выпускник школы Альберт Рахнович, поступивший в 1943 году в первый класс, так рассказывает об этом времени: «Наша первая учительница Елена Васильевна Кошмаева... учила нас фактически с нуля, не забывая заниматься с нами патриотическим воспитанием: рассказывала о подвигах пионеров и комсомольцев на фронтах, читала выдержки из газет... В школе на большой перемене в буфете выдавали бесплатно крохотные булочки. Некоторые их тут же съедали, а другие несли домой – к общему столу...».

О бытовых сложностях вспоминает и бывший ученик школы, москвич, (учился в 6-м и 7-м классах в 1943 – 1945 гг.) Владимир Юревич: «Помню, как с другими ребятами, вместе с учителями и нашей любимой классной

руководительницей Верой Александровной Ивановой мы мёрзли в нетопленных классах, писали на полях газет, радовались подсолнуховому жмыху на завтрак, все вместе во время экзаменов за 7-й класс встречали такой долгожданный День Победы!»

В военное время школе было доверено шефство над домом-музеем В.И. Ленина. Учащиеся установили дружеский контакт с Дмитрием Ильичом, находившемся в это время в Самаре. Он был без ног, его в школу приносили санитары. В 1943 году учащиеся трижды встречались с ним и его дочерью Ольгой.

Память об участниках Великой Отечественной войны и павших выпускниках запечатлена в мемориальных досках школы, музейных экспозициях, Книгах Памяти, издаваемых в школе, памятных знамёнах. Мы будем снова и снова чествовать людей долга и чести, самоотверженных защитников Родины, ибо ушедшая в историю Великая Отечественная война – это настолько героическое и столь трагическое для нашего народа событие, что не может рассматриваться как прошлое: слишком дорогую цену заплатила наша страна за радость Победы.

ДАРЬЯ МАМАЕВА

ГБОУ СОШ «Оц» с. Богатое
Самарской области, 13 лет

2 место

Дети блокадного Ленинграда и военного Куйбышева

Мы дети XXI века. О страданиях людей, переживших Великую Отечественную войну, мы знаем из уроков истории и тематических мероприятий в школе. Их жалко, и больно, что наша страна пережила такие испытания. Думаю, подобные чувства охватывают и моих одноклассников.

Но... Урок истории заканчивается, потом начинается математика, а за ней – биология, и пора домой. Я иду на занятия танцами, вечером переписываюсь в мессенджерах, смотрю стрим любимого блогера.

Специально для проекта я прочитала книгу «Дети блокады». Автор, Михаил Сухачев, сам подростком пережил блокадные месяцы. Ему тогда было примерно как мне или даже меньше – лет 12-13. В своей повести он описал истории ленинградских ребят, проявивших мужество и стойкость в условиях голода и войны.

Я подумала: наверно, те дети, которым удалось выжить и встретить Победу, мечтали именно о таком будущем, в котором живем

мы. Чтобы война осталась в учебниках истории, а девчонки и мальчишки ходили бы на занятия по танцам и авиамоделированию (только теперь это называется робототехникой и разработкой беспилотников).

Недавно я узнала, что многие дети из блокадного Ленинграда эвакуировались в Куйбышев. Здесь подростки наравне со взрослыми работали на заводах, где производилась продукция для фронта. Несмотря на трудности, здесь было спокойно, не разрывались снаряды. Ленинградские и куйбышевские дети общались, дружили, вместе мечтали о Победе. И сразу представляются кадры из военных фильмов, и все кажется страшной, но далекой историей.

Когда я решила принять участие в этом проекте, мама сказала, что сейчас происходит нечто подобное – только вместо беженцев из Ленинграда к нам приезжают люди и Белгородской и Курской областей.

Я вспомнила, что весной в Самарскую область приезжали дети из Белгорода, об этом было много новостей. Я видела ролик, где журналисты брали у них интервью. На вид белгородские ребята такие, как мы. Веселые, современные, наверняка учатся, занимаются спортом, сидят в телефонах. Они совсем не похожи на мальчиков и девочек, о которых писал Михаил Сухачев. И никто из них, конечно, не работает на военных заводах. Наверняка они уже вернулись домой, в Белгород... А может быть, и нет. Вернулись, а потом поехали куда-то еще, подальше от обстрелов.

В августе в Самару приехали беженцы из Курской области, где сейчас проходят военные действия. Среди них были инвалиды и дети. Неужели мама права?

Нет, все-таки я не могу представить, как белгородские, курские и самарские дети работают день и ночь на военных заводах. Или что им (и нам) нечего есть. И тем более что мы сами вдруг садимся на поезд и уезжаем в эвакуацию. Все же не для этого побеждали наши предки фашистов и не такое будущее представляли дети блокадного Ленинграда. Пусть лучше ужасы войны останутся в прошлом, в далеких 1941-45 годах, а мы будем узнавать об этом из книг и уроков истории.

ЕЛИЗАВЕТА СОЛОДИЛОВА

ГБОУ СОШ №10 г.о. Чапаевск
Самарской области, 9 класс

3 место

Маленькая взрослая

Я никогда не забуду о том, как мы встретила Победу. Почему? Потому что никогда не забуду и то, как тяжело она нам далась.

22 июня 1941г началась Великая Отечественная война. Тогда мне было всего пять лет, а моему брату Вовке не было и года. Но я запомнила, как папа последний раз поцеловал маму, сел в поезд и помахал нам, обещая вернуться с победой. Мой братик удивлённо хлопал глазками на руках у плачущей мамы. Она ещё долго смотрела на удаляющийся поезд, а потом взяла меня за руку.

– Пойдём, Катя...

8 сентября 1942 г. Я проснулась от всхлипов мамы.

– Мама? Почему ты плачешь? – спросила я, забеспокоившись. Мама села передо мной, глядя мне в глаза:

– Катенька, послушай меня очень внимательно, послушай, доченька! Сегодня наш город осадили немцы. Теперь мы в блокадном кольце... В ловушке, – её глаза наполнились слезами, а руки сжали мои плечи.

– Мы будем ходить на Успенскую 8. Там бу-

дут выдавать хлеб, по 125 граммов хлеба, – мама сжала мой кулачок, – вот такой кусочек на весь день. А если ты услышишь, что объявлена воздушная тревога, бери брата и беги в убежище. Оно там, где продавали игрушки, помнишь? – мама посмотрела в мои растерянные глаза. – Катя, прошу тебя, помни эти адреса, что бы ни случилось!

– Но неужели отсюда, из этой ловушки, не выбраться?

– Когда твоему брату исполнится два года, мы эвакуируемся, осталось немножко потерпеть.

Начало холодать, стоять в очереди за хлебом стало уже не так просто. Мама заболела, с каждым днём ей было всё хуже, она перестала вставать. Вова до сих пор не научился говорить. Теперь я хожу за хлебом одна.

– Ну, что ты, Вовка, я пойду за хлебушком, а ты не плачь тут. Ты ведь защитник будущий, а они не плачут, – я щелкнула по носу брата и закрыла за собой дверь.

Подойдя к Успенской 8, я прошмыгнула вперёд мимо очереди, которая тут же заволновалась.

– Ну, куда же ты?

– Тут очередь.

– Нам всем нужно.

Я подошла к прилавку, даже не обернувшись на возгласы. Женщина в сером платке поставила отметку на хлебной карточке и протянула мне три кусочка хлеба из жмыха.

– Неси осторожнее и карточку не забудь.

Я кивнула, спрятала хлеб и побежала домой.

Забежав, я протянула хлебные ломтики маме и брату, но взять они их не успели: «Внимание! Объявляется воздушная тревога!» – проговорил громкоговоритель. Я быстро взяла брата и кинулась к маме, однако она остановила меня.

– Катя, оставь меня, если ты возьмёшь и меня, вы можете погибнуть.

– Но, мама!

– Бегите, Катя, беги, пожалуйста!

– Я не могу, мама, не могу...

– Ради Вовочки и ради меня, беги!

Я смахнула с глаз слёзы и побежала из дома.

Мы не успели пробежать и половины пути, как за нами прогремел взрыв. Я не выдержала, упала на колени и зарыдала, крича, виня себя за то, что оставила маму. Мой крик, казалось, был громче взрыва, что унёс её жизнь.

– Вставай, девочка, здесь опасно.

– Там... там моя мама.

– Ты уже не сможешь ей помочь, пойдём.

Я даже не помню, что было дальше. В моей голове было только одно – теперь я мама для Вовы.

Следующие дни казались годами. Жизнь в постоянном голоде, страхе, ответственности за брата – всё это заставило меня быстро повзрослеть.

Через много-много месяцев, в мае, мы с Вовой проходили мимо нашего разрушенного дома. Мы долго смотрели на него. Молча. Без единого слова. Но тишину прервал уже знакомый голос: «Внимание! Говорит Москва! Великая Отечественная Война победоносно

завершена! Немецкие войска разгромлены!!!»

Люди закричали, нет, это уже не был крик боли, это было радостное «Ура! Ура! Ура!», которое пронеслось над Ленинградом. Бежали солдаты, подкидывая фуражки. Я прижала к себе Вовку, плача от осознания того, что мы ВЫЖИЛИ! Как вдруг за спиной раздался мужской голос, давно переставший сниться.

– Катя? – спросил седой мужчина в военной форме.

– Папочка! Ты живой! – воскликнула я и побежала с братом на руках навстречу солдату.

– Как я скучал, родненькие мои, любимые! Живые! – говорил папа, целуя нас и прижимая к себе.

– Ура! Папа! – сказал неожиданно свои первые слова Вова.

В этот день произошло чудо: Вова заговорил, папа вернулся, а наша страна одержала Великую Победу!

Помним!

АНДРЕЙ ШЕРЕМЕТОВ

МБУ ДО «ЦДТ «Младость» г.о.Самара,
ГБОУ «Самарский казачий кадетский корпус»

3 место

Сердце, что билось в тени войны»

Всё вокруг окутано туманом воспоминаний, когда мы мысленно возвращаемся в 1941 год. Великая Отечественная война только набирала свои безжалостные обороты, и каждый город, каждая деревня нашей необъятной страны чувствовала её удары. Но был один город, которому предстояло стать не просто частью великой истории, а её пульсирующим сердцем. Куйбышев – запасная столица Советского Союза, город, что взял на себя невидимый, но грандиозный груз, чтобы поддерживать страну в её самые тяжёлые времена.

Когда немецкие войска надвигались на Москву, появилась угроза захвата столицы. Решение перенести центральные государственные органы, дипломатические миссии и культурные ценности в Куйбышев стало стратегически важным шагом. Но для самого города это было чем-то большим. Это была не просто смена статуса, а превращение из провинциального города в центральную опору целого государства.

Куйбышев, словно тихий герой, который

всегда был рядом, но которого не сразу замечают. До войны он был известен как крупный промышленный центр на берегу Волги, но его истинное предназначение раскрылось именно в те страшные годы. Столица за волжскими холмами, она приняла тысячи чиновников, артистов, писателей, учёных и дипломатов, делая всё возможное, чтобы продолжать работу страны, несмотря на постоянные угрозы.

Трудно себе представить, как на улицах Куйбышева в те времена можно было встретить и маршалов Советского Союза, и иностранных послов, и великих деятелей культуры. Этот город стал новой площадкой для политических решений, культурных событий и стратегических встреч. Здесь, рождались важнейшие указания, принимались судьбоносные решения, звучали призывы к защите и победе. Однако, за всей этой официальной стороной, за высокими политическими фигурами, стояли простые жители. Именно они, куйбышевцы, стали незримыми героями того времени. В их домах размещались эвакуированные, их руки строили бомбоубежища и укрепления, их сердца наполнялись тревогой, но не отчаивались. Каждый житель Куйбышева осознавал, что они не просто часть тыла, они – главная опора всей страны.

Именно в нашем городе, который теперь был «второй Москвой», происходили события, о которых говорила вся страна. Здесь, вдали от фронта, был записан легендарный «Ленинградский симфонический концерт», который

стал символом непреклонности и мужества. Здесь рождались новые культурные шедевры, которые поддерживали дух народа, вдохновляли его на борьбу и победу. Куйбышев, в те трудные годы, стал местом, где слились величие государственной власти и сила народа. Это был город, который взял на себя бремя столицы. И теперь, спустя десятилетия, мы вспоминаем его не просто как «запасную столицу», но как символ стойкости и самопожертвования. В сердце России, на берегах Волги, билось сердце целого народа. И, возможно, именно эта невидимая сила, эта скрытая стойкость, позволила Советскому Союзу выстоять в те тяжёлые годы. История города – это история его жителей, тех, кто сохранил веру в победу и доказал, что сила духа может быть сильнее любого оружия.

Сегодня мы должны помнить этот тихий, но величественный подвиг, чтобы никогда не забыть, как один город стал опорой для целой страны в самые мрачные дни её истории.

АННА БЛИНОВА

*ГБОУ школы № 580 г. Санкт-Петербурга,
10 «Б» класс*

3 место

Дети блокадного Ленинграда и военного Куйбышева

Большая Отечественная Война оставила глубокий след в истории России и всего мира.

Одним из самых трагичных моментов этой войны стала блокада Ленинграда, которая продлилась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года. Миллионы людей и детей пережили это ужасное время. В это же время Куйбышев стал важным городом, в котором эвакуировали тысячи людей, в том числе из Ленинграда. Наша учительница литературы Светлана Николаевна рассказывала нам, что её мама была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Куйбышев вместе с другими детьми блокады.

В Куйбышеве, конечно же, не было так холодно, как в Ленинграде, но количество жителей увеличилось почти в два раза, и поэтому продовольствия тоже не хватало. Детей старались кормить в первую очередь, но лакомств давали мало. Мама Светланы Николаевны те конфеты, которые им выдавали раз в неделю, прятала под подушку, чтобы сохранить своей маме.

Куйбышев был назван в честь советского партийного и государственного деятеля Валериана Владимировича Куйбышева. Во время войны этот город принимал эвакуированные промышленные предприятия. Жизнь города кардинально изменилась в октябре 1941 года. Государственный комитет обороны принимает постановление об эвакуации СССР. В этом постановлении говорилось о немедленной эвакуации посольств и правительства в город Куйбышев. Таким образом, у властей города было максимум трое суток, чтобы разместить эвакуированных, и эта задача была выполнена. Город одновременно и работал на фронт, и осуществлял управленческие функции. Таким образом, Куйбышев стал запасной столицей Советского Союза. Почему именно Куйбышев был выбран? На это есть несколько причин. Река Волга должна была стать естественной преградой на пути фашистов. Сталин не хотел уезжать из европейской части страны за Урал. И хотя Куйбышев и был тыловым городом, самолёт мог в течение часа доставить руководство в Москву или на фронт.

Ленинград и Куйбышев можно назвать городами братьями. Для детей блокадного Ленинграда Куйбышев стал вторым домом. Каждый год 7 ноября в городе Самара проходит парад, в котором участвуют как ветераны, так и военная техника. Парад памяти — это не только дань уважения историческим событиям, но и возможность вспомнить о героях, которые защищали страну. Этот парад

служит важным звеном в сохранении памяти о войне и её героях. Дети блокадного Ленинграда и военного Куйбышева представляют собой символ страдания и надежды. Их судьбы переплетены, и их переживания остаются важным уроком для будущего. Важно помнить об этом трагическом событии.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	3
Победа с надеждой.....	7

Лауреаты конкурса стихотворений и рассказов «Памятью одной связаны»

Натаалья Колмогорова.....	18
Натаалья Пашкова.....	28
Любовь Блоховцева.....	31
Ольга Борисова.....	34
Людмила Хаустова.....	37
Елена Зольникова.....	40
Елена Михайлова.....	45
Алексей Жуков.....	49
Надежда Мордвинова.....	50
Александр Факеев.....	52
Вячеслав Кудряшов.....	53
Владимир Лачков.....	54
Николай Привалов.....	56
Валерий Жалабкевич.....	57
Варвара Антонова.....	58
Алиса Черяпина.....	59
Анастасия Надеина.....	60
Иван Никульшин.....	64
Александр Карякин.....	118

Лауреаты конкурса эссе «Дети блокадного Ленинграда и военного Куйбышева»

Алексей Елагин.....	134
Дарья Мамаева.....	140
Елизавета Солодилова.....	143
Андрей Шереметов.....	147
Анна Блинова.....	150

Сборник стихотворений, рассказов и эссе

ПАМЯТЬЮ ОДНОЙ СВЯЗАНЫ

В авторской редакции

Редактор
Домарев Д.Н.

Издание подготовлено к печати
Самарской областной писательской организацией
443001, г. Самара, ул.Самарская, 179.
Тел. 8 (846) 221-73-13.
www.литсамара.рф

Подписано в печать 16.12.2024 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 52х84 1/16.
Объем 9,75 п.л.
Тираж – 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
г. Саратов, ул. Н.Г. Чернышевского, д. 88, литер У.
Тел. 8 (800) 700-86-33

